между политикой и наукой

З июня 1907 г. вторично за последние одиннадцать месяцев была досрочно распущена Государственная Дума. Но на этот раз власти пошли значительно дальше, чем в июле 1906 г., изменив без санкции депутатов избирательный закон и арестовав по обвинению в подготовке государственного переворота 55 членов думской фракции РСДРП во главе с Ираклием Церетели. Казалось, повод для народного возмущения был налицо, но силы революции к этому моменту были уже практически исчерпаны. Россия промолчала. Наступал звездный час премьера Столыпина.

Депрессия ощущалась во всем — в экономике, политике, поведении людей. С 1907 г. началось осуществление столыпинской аграрной реформы. Пошла вниз кривая забастовочного движения — этот вернейший показатель прочности существующего режима, настроений рабочих и экономической коньюнктуры. Если за последние семь месяцев 1907 г. как бы по инерции еще бастовало около полумиллиона чел., то в 1910 г. число стачечников не превышало уже 160 тыс. Притихли деревня и армия. Интерес общества к революционерам уступил место новым увлечениям — богоискательству и богостроительству, эмпириокритицизму, поэтам-декадентам, французской борьбе, вопросам секса. Интеллигенция громко каялась в революционном безумии, а социалистическим партиям приходилось, скрепя сердце, снова уходить в подполье или пополнять ряды политической эмиграции. Быстро шел отток временных попутчиков революции. Усиливалось провокаторство.

Кризисные явления коснулись и обеих фракций РСДРП, пути которых вновь стали расходиться. Среди меньшевиков царили апатия, разобщенность, сомнения. Отдали неизбежную после поражения революции дань этим настроениям и многие большевики.

Характеризуя состояние меньшевистских организаций в конце 1907 г., Φ .И.Дан писал П.Б.Аксельроду: «Меньшевизма как организации теперь попросту в России нет, и собрать его снова механическим путем невозможно. В меньшевизме как направлении происходит, несомненно, разложение. В противоположность большевикам, у которых сохранилась верхушка организации, у нас именно верхушка первая подверглась разложению, и потому у нас нет сил, чтобы собрать те здоровые меньшевистские элементы, которые имеются среди сознательных рабочих в гораздо большем количестве, чем 2-3 года назад и даже чем в прошлом году. Для значительной

части меньшевистской интеллигенции все прогрессивные лозунги меньшевизма стали постепенно лазейками для того, чтобы нервным, развинченным, расслабленным людям уйти не только от общепартийной, но и от всякой политической работы. Открытые организации, отрицательное отношение к подполью, думская деятельность, использование всех легальных возможностей и пр. и пр. — все это для целой массы интеллигентов стало дорожкой либо к ренегатству, либо к самому низкопробному оппортунистическому культу «малых дел». Не большевистское ухарство грозит нам в этих людях с повисшими носами — куда уж им до ухарства! — а самое обыкновенное либеральное перерождение» 1.

В социал-демократических организациях все чаще стали произносить новое слово «ликвидаторство», означавшее отказ части меньшевиков от подпольной работы, уход в легальные организации и отречение от наследия 1905—1907 гг. У большевиков были свои проблемы, связанные с нежеланием некоторых партийных работников примириться с необходимостью временного отказа от наступательной тактики, боевых дружин, «эксов», бойкота Думы. И хотя основное ядро большевиков продолжало верить Ленину, а меньшевики категорически отказывались ставить знак равенства между меньшевизмом как таковым и «ликвидаторством», кризис в РСДРП, который развивался параллельно с кризисом в партии эсеров и у кадетов, значительно ослаблял революционный лагерь.

Нелегкие времена переживал и герой нашего очерка, хотя внешне его жизнь оставалась такой же размеренной, комфортной и интеллектуально насыщенной, как и прежде. При этом затишье на революционном фронте, необходимость осмыслить уроки прошлого и обдумать тактику на будущее, а также усталость от бесконечных фракционных раздоров вызывали у Плеханова вполне объяснимое стремление сосредоточиться на теоретической и литературной работе, хотя о полном отходе от партийных дел, естественно, не могло быть и речи.

В августе 1907 г. Георгий Валентинович, несмотря на болезнь, приехал в небольшой немецкий город Штутгарт, где прошел седьмой конгресс II Интернационала. К сожалению, из-за нездоровья участие Плеханова в его работе свелось в основном к выступлению в комиссии по вопросу о взаимоотношениях социалистических партий с профсоюзами, где он отстаивал идею единства профессионального движения (применительно к России это означало, что не должно быть обособленных социал-демократических, эсеровских и т.п. профсоюзов). Дополнение Плеханова к проекту резолюции членами комиссии было принято.

Вернувшись в Женеву, Плеханов продолжил сотрудничество в петербургской газете «Товарищ». Параллельно с этим он выступил

в журнале «Современный мир» с большой статьей, где подробно разбирал книгу итальянца Артуро Лабриолы «Реформизм и синдикализм» с послесловием большевика Луначарского, которому за увлечение синдикалистскими идеями досталось от Плеханова едва ли не больше, чем самому автору книги. Появление целого ряда статей и заметок Плеханова с критикой анархо-синдикализма было продиктовано не только его отрицательным отношением к этому достаточно популярному тогда на Западе и начавшему проникать в Россию течению, но и стремлением нанести еще один удар по большевикам, в тактике которых он усматривал определенное сходство с левацкими лозунгами анархо-синдикалистов (увлечение стачками, экспроприациями, бойкотом легальных организаций и т.п.).

Еще в преддверии V съезда РСДРП Плеханов писал Мартову, что не вредно было бы, если бы дело дошло, наконец, до разрыва с большевиками, поскольку работать с ними вместе совершенно невозможно¹. Неудивительно поэтому, что он стал и одним из инициаторов создания фракционной меньшевистской газеты «Голос социал-демократа», которая издавалась с февраля 1908 г. сначала в Женеве, а потом в Париже параллельно с центральным общепартийным органом «Социал-демократ». «Газета необходима для борьбы с тем политическим одичанием, которое надвигается на нас», — подчеркивал он², имея в виду прежде всего взгляды большевиков.

Однако сам Плеханов писал тогда на политические темы сравнительно немного. Так, в 1908 г. он опубликовал «Заметки публициста», предисловие к брошюре бывшего члена Петербургского совета Степана Голубя «Через плотину интеллигентщины» и статью «Уроки прошлого» для изданного в Женеве меньшевиками сборника «Тернии без роз», посвященного деятельности социал-демократической фракции II Государственной Думы. Тем не менее Плеханов сумел поставить здесь ряд вопросов, без уяснения которых критический анализ уроков революции был бы просто невозможен. Так, Георгий Валентинович очень верно заметил, что в 1905-1907 гг. революционеры плохо знали, а потому и мало принимали в расчет социальную психологию народных масс, особенно крестьянства, ориентируясь в основном на настроения демократической интеллигенции и узкого политизированного слоя рабочих. На примере июльских событий 1906 г. Плеханов показал, что неправы были тогда не только большевики, предсказывавшие в самое ближайшее время новое вооруженное восстание, но и меньшевики, звавшие народ к всеобщей стачке в защиту распущенной царем I Государственной Думы, поскольку ни те, ни другие не знали по-настоящему настроений широких слоев народа. «...Когда составляются наши

¹ Дан Ф.И. Письма (1899—1946). Амстердам, 1985. C. 184.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 137. Л. 3—4; см. также: ф. 134. Оп. 1. Д. 310. Л. 5.

² Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

«лозунги», резолюции и т.д., — писал Плеханов, — то при их составлении всегда принимается во внимание именно *«интеллигентская»* и к тому же еще **кружковая психология**: такие-то строки вводятся для того, чтобы пояснить дело таким-то «практикам», а такие-то затем, чтоб такой-то **икс** или **игрек** не обвинил нас в оппортунизме и т.п., — в результате получается нечто, может быть, гениальное с точки зрения «интеллигентской» кружковщины, но, несомненно, очень мало пригодное для агитации в широкой массе» 1.

Разбирая проект аграрной реформы, внесенный в III Думу крестьянскими депутатами умеренно-правого направления, Плеханов обращал внимание на то, что, помимо довольно радикальных земельных требований, которые как будто не очень вязались с их монархизмом, в этом проекте присутствовало и требование создания демократических земельных комитетов, свидетельствовавшее о значительном прогрессе в развитии политического сознания крестьян. Революционерам, подчеркивал Плеханов, нужно очень бережно и умело подойти к самым отсталым крестьянским слоям, чтобы, не запугивая мужика своей «ультрареволюционностью», осторожно, но систематически воздействовать на его сознание, придавая ему силу, подвижность и смелость. Ведь в 1905-1907 гг. крестьян - а вместе с ними и всю революцию в целом - подвела именно политическая темнота и пассивность деревни, без преодоления которых рассчитывать на победу народа над самодержавием нельзя. Не нужно забывать, писал Плеханов, что от степени сознательности русского крестьянина зависит во многом и поведение русского солдата, который может либо стрелять в народ, как это и было в основном в 1905-1907 гг., либо повернуть оружие против его угнетателей2.

Большое значение имел также призыв Плеханова к развитию самодеятельности рабочей массы и ее сближению с революционной интеллигенцией, к объединению всех демократических сил страны при сохранении строго пролетарского характера РСДРП, к восстановлению временно утраченного рабочим классом положения гегемона освободительного движения в России³. Особенно радикально выглядел последний тезис, который, как показали последующие события, не был случайной обмолвкой ради «красного словца» и существенно отличался от позиций многих меньшевиков, отказывавшихся в то время от самой идеи гегемонии пролетариата.

Однако постепенно внимание Плеханова все больше переключалось на теоретико-философские вопросы. В конце 1907 г. в очень короткий срок он написал статью, приуроченную к исполнявшемуся

в марте следующего, 1908 г. 25-летию со дня смерти Карла Маркса. Правда, сборник, для которого предназначалась эта работа, не вышел в свет: слишком пестрым оказался состав его авторов, придерживавшихся порой далеко не ортодоксальных марксистских взглядов в области философии (большевик Луначарский, меньшевик Юшкевич и др.). Но в 1908 г. работа Плеханова была издана в Петербурге в виде отдельной брошюры под названием «Основные вопросы марксизма» (в 1909 г. ее перевели на немецкий язык). Появилась также статья Плеханова о Марксе и в «Голосе социалдемократа».

Плеханов не ограничился приличествующими случаю хвалебными словами в адрес Маркса, а использовал юбилейную дату для того, чтобы еще раз в доступной широкому читателю форме изложить важнейшие положения диалектического и исторического материализма, показать связь марксизма с предшествующим развитием передовой человеческой мысли и вместе с тем тот качественный скачок в понимании сущностных явлений природы и общества, который связан с именами Маркса и Энгельса.

В работе «Основные вопросы марксизма» особый интерес представляют те ее разделы, которые посвящены изложению взглядов Маркса и Энгельса на ход исторического процесса. В частности, Плеханов впервые подчеркнул здесь значение социально-психологического компонента общественного сознания как важного промежуточного звена между социально-политическим строем, который вырастает на базе определенной системы производственных отношений, и различными идеологическими надстройками. В итоге у него получалась своего рода пятичленная формула, раскрывающая механизм взаимодействия основных факторов, определяющих ход человеческой истории: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной социальной основе; 4) психология общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие свойства этой психологии1.

Коснулся Плеханов и вопроса о том, возможна ли серьезная, аргументированная научная критика Маркса и марксизма. Он отнюдь не считал великого немецкого ученого непогрешимым, указав, в частности (вслед за Энгельсом), на ошибки основоположников марксизма в 1848 г., когда они, с одной стороны, недооценили способность капитализма к дальнейшему развитию, а с другой — переоценили порыв большинства рабочих к революционному действию. Плеханов признавал, что Маркс и Энгельс не имели времени серьезно заняться изучением истории искусства, религии, философии. Но он был категорически против дилетантской, спекулятивной критики марксизма, нередко основанной на слабом знакомстве со

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 426.

² Там же. С. 427.

³ См.: там же. С. 433.

¹ См.: Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. III. С. 179-180.

взглядами Маркса и Энгельса или непонимании сущности марксистского учения. Сам Плеханов (как и Ленин) не склонен был выискивать ошибки и слабости в марксовой аргументации, отвергая также любые попытки замены якобы устаревшего и одностороннего марксизма эклектической смесью отдельных его положений с разного рода «дополнениями», взятыми из модных немарксистских теорий. Таким образом, Плеханов еще раз продемонстрировал свою верность заветам учителей, свой материалистический монизм.

В этом контексте очень органичной выглядела и критика Плехановым в 1908—1909 гг. взглядов А.А.Богданова, который вместе с Луначарским, Валентиновым, Юшкевичем и др. попытался соединить марксизм с учением австрийского физика и философа, одного из основателей эмпириокритицизма («философии критического опыта») Эрнста Маха. Надо сказать, что Плеханов уже давно «точил зуб» на русских махистов и прежде всего на Богданова и Луначарского, занимавших в период революции 1905—1907 гг. видное положение в рядах большевиков. Еще во время совместной работы с Лениным в «Искре» он не раз обращал его внимание на сомнительные, с точки зрения марксистской ортодоксии, философские выводы Богданова. Против махизма выступала в «Искре» и ученица Плеханова Л.И.Аксельрод. Однако лидер большевиков, безоговорочно признавая авторитет и правоту Плеханова в вопросах философии, по чисто фракционным соображениям долгое время воздерживался от философской полемики со своим тогдашним соратником. Тем не менее в 1906 г., прочитав подаренную ему книгу Богданова об эмпириомонизме, Ленин составил не предназначавшийся для печати ответ с замечаниями на эту работу, солидаризировавшись с материалистическими взглядами Плеханова.

После революции Богданов-политик стал быстро отходить от Ленина, превратившись в лидера «левого» большевизма. Он упрекал Ленина в увлечении «легализмом», реформистских иллюзиях и даже в идейном перерождении. Появились и разногласия по вопросам, связанным с финансами партии, которые приобрели в то время особенно большое значение в жизни РСДРП. Словом, Богданов выступил как прямой соперник Ленина в руководящих партийных инстанциях, а этого ему простить уже не могли. В 1909 г. Ленин настоял на том, чтобы вывести Богданова вместе с Красиным из большевистского заграничного центра, а Богданов в ответ создал собственную группу «Вперед» и повел ожесточенную борьбу с лидером большевиков.

В области философии против Богданова и «богдановщины» выступили одновременно и Ленин, и Плеханов. Чашу терпения последнего переполнило открытое письмо к нему, опубликованное Богдановым в 1907 г. в журнале «Вестник жизни» и являвшееся по существу вызовом на серьезный научный турнир. Плеханов уже давно считал махизм разновидностью субъективного идеализма, но все откладывал публичное объяснение с Богдановым, предпочитая

действовать методом мелких словесных уколов вроде замены привычного в партийной среде обращения «товарищ» на презрительное «господин». Но отмалчиваться и дальше было уже опасно, ибо могло сложиться впечатление, что ему просто нечего ответить по существу поставленных Богдановым вопросов. Поэтому в начале 1908 г. Плеханов засел за ответ русским махистам, дав ему выразительный заголовок «Materialismus militans» («Воинствующий материализм»). Первые две части этой работы были опубликованы летом и осенью 1908 г. в «Голосе социал-демократа».

Плеханов давно уже не находился в столь воинственном настроении. Когда П.Б.Аксельрод и А.С.Мартынов стали уговаривать его произвести во второй части «Воинствующего материализма» некоторые сокращения, он написал им 5 октября 1908 г. следующее: «Дорогие товарищи Павел и Александр Самойлович! Я не знаю. сколько именно букв в моей статье, но я знаю, что сокращать ее нельзя, т.е. собственно можно, но только на несколько букв. Но больше не могу сокращать. Войдите же в мое положение: меня просили, - прямо настаивали, - начать полемику с Богдановым. Я долго отнекивался: Дан свидетель. Наконец, я берусь за перо. уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: «Надо сократить или отложить». Видали ли Вы кота с мышью во рту? Попробуйте посоветовать ему «сократить» или «отложить» его добычу: он только зарычит. Так и я. Ни сокращать, ни откладывать не могу, теперь во мне говорит чувство охотника, от которого может уйти дичь. Я могу предложить только совсем не печатать мою статью фельетоном, а выпустить ее отдельным приложением... Но Богданов должен умереть сейчас и «sans phrases» (без разговоров. – Фр.)»1.

Задор Плеханова, конечно же, подогревался тем, что удар по Богданову был в значительной мере и ударом по Ленину, хотя объективности ради нужно сказать, что Георгий Валентинович не щадил и «еретиков» из числа меньшевиков². Чувствовалось, что он хочет уничтожить Богданова как философа: обвинения в идеализме и ревизионизме, унизительные сравнения и эпитеты сыпались, как из рога изобилия. При этом Плеханов, видимо, не замечал, что ссылки на Энгельса и материалистов XVIII в. уже не всегда достигают цели, поскольку его оппонент оперировал данными о новейших достижениях мирового естествознания, а здесь Георгий Валентинович, увы, не всегда был на высоте.

¹ Литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1938. Сб. 5. С. 312. Третье письмо Богданову увидело свет в 1910 г. в сборнике работ Плеханова с характерным названием «От обороны к нападению». Этот большой (около 700 стр.) сборник включал, помимо работы «Materialismus militans», цикл статей Плеханова с критикой анархо-синдикализма, ряд статей о религии, литературоведческие эссе и рецензии.

² Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 232.

^{9 - 2093}

В свою очередь, насмешливое высокомерие и язвительность Плеханова вызвали ответную негативную реакцию Богданова, который писал в своей книге «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914 г.1), что ни по своим познаниям, ни по своему психическому складу Плеханов не является образцом ученого. Богданов возмущался недобросовестными полемическими приемами Плеханова, находил в его работах неточности и передержки, указывал на конкретные ошибки в трактовке некоторых важных философских вопросов. Отсюда он дела вывод, что Плеханов совершенно случайно попал в разряд теоретиков марксистской философии, поскольку судьбе угодно было сделать его популяризатором идей Маркса и Энгельса. Выполнил Плеханов эту миссию, по мнению Богданова, не без ошибок, но в целом им была проделана большая и полезная работа, да и судить о его ошибках было тогда просто некому. А затем «по привычке вчерашних рабов, наши россияне стали обрашаться к Плеханову за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в том числе философских. Так он попал в положение, которое, в конце концов, оказалось довольно фальшивым». — заключал Богданов2.

Переходя к Плеханову-политику, Богданов делал вывод, что за десятилетие 1904 – 1914 гг. в русской социал-демократии не было человека, который, пользуясь своим огромным авторитетом, больше содействовал бы порче партийных нравов3. При этом он обвинил Плеханова в «генеральстве», неуважении к партийной дисциплине. игнорировании руководящих учреждений партии и т.д. Конечно, пером Богданова водило в данном случае уязвленное самолюбие, но доля истины в его суждениях, несомненно, была. Характерно для сложившейся конфронтационной ситуации и другое: Богданов ответил на плехановскую критику в двух специальных работах -«Приключения одной философской школы» (1908) и «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1909), однако продолжать с ним научную полемику Плеханов не пожелал. Тем самым он как бы подтвердил слова Богданова о том, что Плеханов как защитник марксизма от нападок его идейных противников и как крестный отец РСДРП остался уже в прошлом4.

В нашу задачу не входит критический разбор философского спора Плеханова с Богдановым, которым должны заняться специалисты. Заметим лишь, что сегодня научное сообщество смотрит на Богданова гораздо более благожелательными глазами, чем во времена Плеханова и Ленина1. В богдановском эмпириомонизме видят теперь реальную попытку переработки ряда интересных идей современной немарксистской философии в целях обогащения и совершенствования марксизма, а в его тектологии - провозвестницу идей кибернетики и общей теории систем. Признается также, что Богданов до конца оставался убежденным сторонником марксизма, а лейтмотивом всего его научного творчества и практической деятельности была ориентация на социалистическую перспективу.

В этом контексте в совершенно ином свете предстает и полемика Богданова с Плехановым, который упрощал, вульгаризировал и в чем-то искажал его взгляды не только по чисто политическим мотивам, но и потому, что оставался в общем и целом выдающимся представителем научных традиций XIX в., тогда как Богданов пусть не всегда удачно и последовательно - старался уже идти в ногу с новым, двадцатым столетием. И если для Плеханова (и Ленина) высшими авторитетами в области философии всегда оставались Маркс и Энгельс, то Богданов сознательно стремился синтезировать марксизм с философскими концепциями Маха, Авенариуса и ряда других современных ему философов.

Важно отметить и другое. В то время как для Плеханова и Ленина между материализмом и идеализмом лежала пропасть, Богданову подобная постановка вопроса казалась каким-то страшным упрощением. И читая сегодня их полемику, невольно думаешь, что в сущности они говорили уже на разных философских языках: отсюда взаимное непонимание, подозрения, упреки. Взгляды Плеханова и Ленина были проще и понятнее, взгляды Богданова сложнее и в чем-то тоньше, причем он не всегда умел придать им ясную и доступную пониманию широкого читателя форму. Вопрос состоит лишь в том, стоило ли отлучать его за это от марксизма и социал-демократии? Если следовать старому библейскому принципу «Кто не с нами, тот против нас», - да, если признавать право ученого в процессе поиска научной истины подвергать сомнению абсолютно все, - нет. И трудно отделаться от мысли, что решающее слово в этой полемике принадлежало все же политике, а не принципам высокой науки.

Тесно связаны с работами Плеханова, направленными против Богданова, и его большие статьи из серии «О так называемых религиозных исканиях в России», опубликованные в 1909 г. в трех номерах «Современного мира». Здесь ставятся общие теоретические вопросы о происхождении и сущности религии, дается критика взглядов бывшего «легального марксиста» С.Н.Булгакова, бого-

¹ Книга впервые увидела свет лишь через 80 лет после своего создания. См.: Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. ² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же.

¹ См.: Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста / Гогданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990; Садовский В.Н. Эмпириомонизм А.А.Богданова: забытая глава философской науки / Вопросы философии. 1995. № 8; Шерер Ю. Ленин и Богданов / Россия XXI. 1996. № 5-10 и др.

строительских теорий А.В.Луначарского и М.Горького, мистицизма писателя Л.С.Мережковского и поэта-декадента Н.Минского, религиозных мотивов в творчестве Льва Толстого.

Гениальное литературное наследие Толстого, его философские и религиозные искания, общественная деятельность, оценка великого писателя и мыслителя представителями различных политических течений — все эти вопросы занимали Плеханова на протяжении нескольких десятилетий. Восьмидесятилетний юбилей писателя в 1908 г., а затем его уход из Ясной Поляны и смерть в 1910 г. послужили толчком к появлению новых плехановских статей о нашем великом соотечественнике.

«Что автор «Войны и мира» есть великий писатель русской земли, что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его, что самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее лучшее будущее. — все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли велик как художник, а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, т.е. о крайней ограниченности его общественных взглядов. И чем больше мы любим и чтим великого художника, тем прискорбнее для нас его сектантские заблуждения», - писал Плеханов1.

Он откровенно признавался, что любит Толстого «отсюда и досюда», четко разделяя в нем писателя и «проповедника», художника слова и «учителя жизни», причем в этом последнем своем качестве Толстой был для Плеханова не просто неприемлем, но даже «страшен». Марксист Плеханов с его сугубо классовым, предельно идеологизированным подходом к искусству сравнительно немного говорит о том эстетическом наслаждении, которое несло и несет людям творчество Толстого, и совсем не склонен умиляться его гуманизму и стремлению к самоусовершенствованию: ведь для революционера главный источник всех бед человеческих — это не противоречия, раздирающие грешные души людей, а несправедливость окружающей их жизни. Зато перечень «грехов» Толстого занимает у Плеханова целые страницы: здесь и его идеализм, и метафизичность мышления, и религиозность, и страшная противоречивость в мыслях и поступках. Особенно негодует Плеханов — и это вполне логично в общем контексте его мировоззрения - по поводу толстовской теории «непротивления злу насилием», усматривая в ней объективную помощь эксплуататорам и насильникам. стоящим у руля современного государства. minera framero enere

Между тем на примере взаимоотношений Л.Н.Толстого и П.А.Столыпина хорошо видно, что писатель не принимал ни Столыпина, насаждавшего в деревне частную собственность на землю,

ни тем более Столыпина-вешателя, а в знаменитой статье «Не могу молчать» (1908 г.), осуждая насилие и террор и «сверху», и «снизу», все же находил некоторые смягчающие обстоятельства для революционеров, тогда как по отношению к власть имущим он был совершенно беспощаден. Заметим в этой связи, что известный ленинский тезис о Толстом как «зеркале русской революции», несмотря на его ярко выраженный революционно-пропагандистский характер, несравненно глубже отражал противоречивый характер толстовства, чем плехановская дихотомия: великий художник слабый мыслитель, реалист в искусстве — утопист в политике1.

Было бы несправедливо отрицать, что Плеханов признавал объективно революционизирующее воздействие многих произведений Л.Н.Толстого на русское общество. Независимо от намерений самого писателя, правдиво нарисованные им картины жизни «верхов» и «низов» России пробуждали у читателя «святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу»². Но. в отличие от Ленина, эта тема, как и тема «Толстой и русское крестьянство», не получили у Плеханова дальнейшего развития. Толстой остался для него прекрасным бытописателем дворянских гнезд, идеологом дворянской аристократии, «большим барином». Видимо, не разделял он и ленинскую мысль о том, что Толстой, после совершившегося в нем нравственного перелома, перешел на позиции патриархального русского крестьянина. Но в чем Плеханов и Ленин были едины, так это в резком неприятии любых попыток превратить Толстого в «святого», поднять на щит его призывы заменить общественную борьбу индивидуальными поисками душевного мира и согласия, акцентировать внимание на резкой критике великим писателем революционеров. Недаром Ленин писал Горькому: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и тут мы сошлись»3. Заметим, что ряд статей Плеханова о Толстом был написан для большевистских изданий, о чем мы подробно еще будем говорить ниже.

Характерной особенностью рассматриваемого нами периода в жизни и деятельности Плеханова было усиление его интереса к исторической тематике. Он и прежде не раз выступал как историк народнического и социал-демократического движения в России, хорошо знал отечественную и европейскую историю последних двух столетий, особенно историю революций, глубоко изучал процесс перехода от первобытного общества к обществу классовому. Многие

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 350-351.

¹ Подробнее об отношении Л.Н.Толстого к революции и революционерам см.: Тютюкин С.В. Л.Н.Толстой и первая российская революция / / Исторические записки. Т. 113. М., 1986; Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992 и др.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 11.

его работы были блестящими примерами исторических зарисовок, сделанных по горячим следам событий и прекрасно передававших самый дух эпохи, характерные для нее общественные настроения, социальную психологию современников. Теперь, на рубеже первого и второго десятилетий XX в. пришло время для крупных исторических полотен, которые должны были отразить как сравнительно недавнее, так и более отдаленное прошлое.

В 1908 г. развернулась работа над большим коллективным трудом «Общественное движение в России в начале XX-го века». Это было по тем временам крупномасштабное литературное предприятие, участники которого ставили перед собой задачу осмыслить с марксистских позиций основные тенденции общественно-политического развития России накануне и в период революции 1905—1907 гг., роль в ней различных классов и партий, причины ее поражения. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы подвести итоги революции, проанализировать стратегию и тактику российской социал-демократии, ее успехи и неудачи и попытаться ответить на главный вопрос: что из опыта революции можно занести в актив партии и использовать в ее дальнейшей деятельности, а что нужно сдать в архив, признать ошибочным, неудачным или даже вредным.

Новое обострение фракционной борьбы в РСДРП и та кризисная ситуация, в которой партия оказалась после первой российской революции, обусловили и подбор будущих авторов, и общую идейную направленность этого труда. Ни большевики, ни Троцкий, ни члены группы «Вперед» к работе не привлекались. Готовить статьи для «Общественного движения...» должны были только меньшевики или идейно близкие к ним люди, а редакторами многотомника стали Ю.О.Мартов, А.Н.Потресов, П.П.Маслов и Г.В.Плеханов 1. Им же вместе с Ф.И. Даном, А.С. Мартыновым, Евг. Маевским, А.О.Ерманским, Н. Череваниным, В.О.Левицким, М.С.Балабановым, А.М.Коллонтай и др. предстояло стать авторами этой фундаментальной работы. По вполне понятным причинам главными источниками при ее подготовке должны были служить не архивные документы, а русская и зарубежная периодическая печать различных направлений, публицистика, историческая и экономическая литература, немногочисленные документальные публикации, воспоминания, т.е. то, что было доступно тогда исследователям, особенно эмигрантам.

Замысел меньшевистского труда был очень обширен: предстояло показать в динамике экономику и общественно-политический строй России на рубеже веков, ход революционных событий 1905—1907 гг. и участие в них различных классов и партий, национально-освободительное движение, внутреннюю и внешнюю политику правительства. Предполагались и большие экскурсы в историю России XIX в. Полностью реализовать этот план, к сожалению, не удалось: помешала начавшаяся мировая война. Но и те пять объемистых книг, которые увидели свет в Петербурге в 1909—1914 гг., стали заметной вехой в отечественной историографии.

Меньшевики рассматривали события 1905 – 1907 гг. как пример неудачной общенациональной революции против абсолютистского режима. На ее судьбе роковым образом сказалось то эмбриональное состояние, в котором находилась тогда в России буржуазная демократия, выступавшая в качестве лидера революций XVIII – XIX вв. на Западе, причем слабость и нереволюционность российской буржуазии не могли быть компенсированы ни усилиями пролетариата. ни стихийным бунтарством крестьянства, ни активными действиями революционных партий. Последние, по мнению меньшевиков. слишком поддавались тем ультрарадикальным настроениям, которыми были охвачены в 1905 г. часть демократической интеллигенции и рабочих, слишком забегали вперед в своих требованиях. слишком «пугали» еще только выходившую на арену политической борьбы буржуазию. Гегемония пролетариата, которая продержалась в ходе революции в лучшем случае лишь до манифеста 17 октября 1905 г., носила как бы вынужденный характер, поскольку пролетариат и социал-демократия лишь заполняли вакуум, образовавшийся в общественно-политической жизни страны в результате слабости и неорганизованности торгово-промышленной буржуазии. Претензии пролетариата на политическую гегемонию в освободительном движении оказались, как полагали меньшевики, явно несостоятельными, и выдвигать их в дальнейшем было бы по меньшей мере неразумно.

Что касается крестьянства, то, признавая большое значение его выступлений против помещиков, меньшевики с опаской смотрели на монархизм и частнособственнические настроения этого класса как на потенциальную угрозу пролетарскому делу. Поэтому дальнейшую эволюцию России в сторону развития буржуазной демократии меньшевистские лидеры связывали с неизбежным, по их мнению, «левением» буржуазии под влиянием ее конфликтов с самодержавием.

Летом 1908 г. Плеханов уже читал статьи В.Г.Громана, А.О.Ерманского и других авторов, предназначенные для первого тома «Общественного движения...» Однако вскоре он отошел от работы в редакции, «споткнувшись» на статье А.Н.Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху»,

¹ Плеханов получил предложение об участии в многотомнике через П.П. Маслова в 1907 г. Узнав о предполагаемом составе авторского коллектива, Плеханов не стал скрывать, что у него есть с некоторыми из этих лиц серьезные разногласия. Однако Маслов ответил, что все это выяснится при личном свидании. Больше к этому вопросу тогда не возвращались, и Плеханов стал членом редакционной коллегии (см.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 92.)

где рассматривалась и деятельность группы «Освобождение труда». Отношения с Потресовым складывались у Георгия Валентиновича очень неровно: первые впечатления, связанные с изданием «Монистического взгляда на историю», были самыми благоприятными, в период «Искры» молодой коллега по редакции уже не вызывал прежнего интереса и не без оснований казался слишком «обтекаемым», а его «ликвидаторские» откровения 1906—1907 гг. вызывали у Плеханова уже откровенную неприязнь. Поэтому в 1908 г. Плеханов приступил к чтению рукописи Потресова с вполне определенным предубеждением, которое росло от страницы к странице.

Сразу же стало ясно, что автор статьи решил уделить основное внимание не «подпольному» марксизму, который олицетворяли тогда в России группа «Освобождение труда» и ее последователи, а марксизму «легальному», самым ярким представителем которого был Петр Струве. В соответствии с этим замыслом были подобраны Потресовым и источники — в основном это были легальные отечественные журналы 1890-х годов. А идею гегемонии пролетариата Потресов связал прежде всего с именами Струве и Ленина, даже не упомянув при этом работы Плеханова и Аксельрода. В итоге чисто личные моменты, помноженные на принципиальные идеологические разногласия, и дали ту «гремучую смесь», которая взорвалась во время обсуждения летом 1908 г. статьи Потресова на квартире Плеханова в Женеве.

Плеханов прямо назвал концепцию Потресова возвратом к «легальному марксизму» и выразил опасение, что не сможет продолжать работу над «Общественным движением...», если статья не подвергнется коренной переработке. Члены редакционной коллегии попросили Потресова продолжить работу над текстом, а Плеханова — отложить свое окончательное решение до ознакомления с новым вариантом статьи Потресова. И вот в октябре 1908 г. Плеханов получил часть исправленной рукописи Потресова, однако его общее впечатление от нее осталось прежним, поскольку автор ограничился тем, что включил в текст несколько цитат из сочинений членов группы «Освобождение труда», чтобы потешить самолюбие своего строгого критика.

В своей обычной манере Плеханов поставил вопрос очень резко. Он потребовал новой и притом радикальной переделки статьи, подчеркивая, что она не должна быть односторонним изложением кода умственного развития русского общества на рубеже XIX и XX вв. «в пользу Струве». В письме к Мартову, который вместе с Даном был по существу главным «закоперщиком» нового издания, Плеханов напомнил, что еще в 1894 г. Потресов уговаривал его не критиковать Струве, и выражал сожаление по поводу того, что послушался тогда его советов. «Теперь я не повторю ошибки и не сделаю новой уступки духу Струве. Повторяю, я считаю себя нрав-

ственно обязанным требовать переделки пересылаемой Вам части статьи...» — писал Плеханов Мартову 25 октября 1908 г.1

Мартов стал уговаривать Плеханова пойти на компромисс, объясняя общую тональность статьи Потресова тем, что он пишет как историк журнальной публицистики, и обещая компенсировать его промахи статьей А.С.Мартынова, где предполагалось осветить историю русского марксизма и группы «Освобождение труда» в более развернутой форме. Однако Плеханов продолжал настаивать на том, чтобы в статью Потресова был дополнительно включен самостоятельный раздел, посвященный критике Струве, упрекал автора в «истинно бернштейнианском» равнодушии к теории и т.д. «В таком виде, какой имеет эта работа теперь, она не только не полезна, а прямо вредна, и я по совести не могу пойти здесь рядом с Александром Николаевичем», — писал Плеханов Мартову 1 ноября 1908 г. 2 Не изменилось его мнение и после знакомства с новой редакцией второй части статьи.

Однако Потресов при поддержке Мартова и Дана решил не уступать Плеханову, позиция которого казалась ему и многим другим меньшевикам слишком предвзятой и малообоснованной. Даже Л.И.Аксельрод, которая всегда поддерживала своего учителя, на этот раз не одобрила его атаку на Потресова. «Статью Потресова читала два раза и, кажется, внимательно, — писала она Плеханову.

— Нахожу, что легальному марксизму придается в ней большее значение, чем он этого заслуживает. Струве вышел больше ростом, чем он есть; но так как в окончательном итоге легальный марксизм выродился в трусливый земский либерализм, то из статьи все-таки следует, что главное дело делали единственно революционная социал-демократическая партия и единственно революционный класс — пролетариат. Вследствие этого я не могу, дорогой Георгий Валентинович, согласиться с Вами, что в статье проводится та мысль, что нелегальная деятельность ничто в сравнении с легальной». Л.И.Аксельрод считала, что не стоит рвать с Потресовым, ибо он преданный социал-демократ, да и марксизм лучше него усвоили — и в России, и за рубежом — всего 4—5 человек³.

Мартов, признавая наличие в статье Потресова ряда недостатков, находил все же ситуацию не столь трагичной, как это виделось Плеханову. Аксельрод, Мартынов и Дан также решили защищать Потресова от плехановского «самодурства». Но Георгий Валентинович был неумолим. 8 ноября 1908 г. он уведомил Мартова, что не сможет больше участвовать в редактировании многотомника, по-

¹ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 229.

² Там же.

³ Там же. С. 234.

скольку Потресов, по его мнению, прямой дорогой идет к бернштейнианству 1 .

Плеханов не скрывал своей обиды, ибо принять «гадкую» статью Потресова было бы для него равносильно отказу от того, чему он верой и правдой служил вот уже целых 25 лет. Вы щадите литературное самолюбие Потресова, писал он Дану, а от меня требуете настоящего самоотречения. Это несправедливо².

Тем не менее Мартов и Дан приняли решение направить рукопись Потресова в набор: ведь он, в отличие от Плеханова, был «свой», а интересы меньшевистской фракции и ее внутреннее един-

ство были для ее лидеров превыше всего.

Аксельрод попытался повлиять на Плеханова через Розалию Марковну, но безуспешно. В ответ Георгий Валентинович сообщил ему о своем решении выйти также и из состава редакции «Голоса социал-демократа». «Статья Потресова — это настоящий пасквиль на революционный марксизм, — писал он 29 ноября 1908 г. своему старому другу, который тоже не понимал, за что так достается Потресову. — Появление в печати этого пасквиля было бы для меня равносильно объявлению мне войны. Я твердо решился поднять перчатку Потресова. Но с Потресовым под руку пойдут Дан и Мартов. Отсюда вывод. Если они согласились на напечатание статьи Потресова, то мне надо выйти из редакции «Голоса социал-демократа»3.

Коса нашла на камень. Попытки найти компромисс успехом не увенчались, и 5 января 1909 г. Плеханов написал письмо в редакцию «Голоса социал-демократа», где извещал читателей, что вышел из состава редакции «Общественного движения...» и подает в отставку с поста члена редакционной коллегии «Голоса». Однако затем он попросил не публиковать этого письма, где, помимо всего прочего, говорилось и о принципиальных разногласиях с Мартовым, и лишь в конце мая 1909 г. в «Голосе социал-демократа» появилось краткое сообщение о том, что Плеханов выходит из состава редакции газеты, в работе которой не принимал участия уже с декабря 1908 г.4

Несколько позже, в 1910 г. вся эта история и часть связанной с ней переписки были обнародованы Плехановым в его «Дневнике», тогда как противная сторона использовала в этих же целях страницы «Голоса социал-демократа». Полемика получилась острой, но способствовала не столько выяснению истины, сколько окончатель-

ному разрыву между Плехановым и остальными меньшевистскими лидерами, которых Георгий Валентинович считал ответственными за распространение «ликвидаторских» настроений в РСДРП и попустительство ревизионистам.

Отношения с П.Б.Аксельродом больше уже не возобновлялись, а В.И.Засулич, жившая в то время в России, после некоторого перерыва все же написала «дорогому Жоржу» весной 1909 г. и получила ответ, свидетельствовавший о стремлении Плеханова к примирению. «Между нами, — писал он, — много пробежало черных кошек (по большей части похожих лицом на Дана), но та нравственная связь, которая была между нами, когда мы изучали вместе того же Гегеля, так велика, что давно пора забыть о кошках, похожих на Дана, и о котятах, смахивающих на Троцкого» 1.

Ссора с Аксельродом, Мартовым, Потресовым, Мартыновым, Даном оставила у Плеханова очень горький осадок. Он писал жене: «...Настроение духа у меня не праздничное, это правда; но если ты думаешь, что я очень огорчаюсь моим столкновением с теми, кого ты называешь моими друзьями, то ты ошибаешься. У меня есть способность владеть собой. Вероятно, это способность самовнушения. Я говорю себе: с этим надо покончить, то-то надо забыть и забываю, и кончаю... Теперь я сказал себе: надо забыть этих господ. О, поверь, что я их забуду и успокоюсь»². Вдобавок у Плеханова было всегда под рукой еще одно верное средство борьбы с душевными невзгодами — работа. «Завтра засяду за работу. Голова вылечит сердце», — читаем мы в одном из писем Плеханова к Розалии Марковне этого периода³. И работа действительно помогала.

В 1909 г. Плеханов приступил к созданию самого капитального своего труда — «Истории русской общественной мысли». Замысел его постепенно вызревал у него на протяжении по меньшей мере двадцати лет: ведь еще в конце 1888 г. он предлагал С.М.Кравчинскому, который был уже к тому времени автором «Подпольной России», написать совместно и издать на английском языке в Лондоне книгу «Правительство и литература в России» - своеобразный мартиролог русской литературы начиная с Новикова и Радищева. Собственно говоря, начать Плеханову хотелось бы даже с фигур еще более древних - знаменитого хорвата Юрия Крижанича (1618-1683), предложившего царю Алексею Михайловичу план государственных преобразований в духе просвещенного абсолютизма и на 14 лет сосланного по не выясненным до конца причинам в Сибирь, и автора книги «О скудости и богатстве», горячего сторонника петровских реформ Ивана Посошкова. Уточняя план будущей работы, Плеханов писал Кравчинскому: «Мы рассказали бы о ли-

¹ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 231.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 88-90.

³ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 233.

⁴ Там же. С. 235—236, 258. Известно, что Мартов предлагал Плеханову компромиссный вариант: уходит он, а Плеханов остается, однако Георгий Валентинович не принял этого предложения.

¹ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 235—236, 258.

 $^{^2}$ Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 279 — 280. 3 Там же. С. 279.

цемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдании в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М.Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дубельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебывали или еще остаются в ссылке». Мы обязаны указать, заключал он, что деспотизм был всегда самым ярым и непримиримым врагом литературы и всех прогрессивных писателей¹.

К сожалению, план этот остался тогда неосуществленным. Однако сам Плеханов к 1909 г. уже успел написать и опубликовать несколько работ по истории русской общественной мысли, проанализировав взгляды Н.Г.Чернышевского, В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.К.Михайловского, В.П.Воронцова, народнических беллетристов Г.И.Успенского, С.Каронина, Н.И.Наумова и др. Конечно, это были лишь отдельные, хотя и очень важные эпизоды в яркой, сложной и драматичной истории русской общественной мысли XIX в. Однако достаточная компетентность Плеханова во всех этих

вопросах не подлежит ни малейшему сомнению.

Трудно сказать, взялся ли бы Плеханов за столь грандиозное предприятие, если бы мог заглянуть на несколько лет вперед. Поставленная им перед собой задача была действительно необъятна. Видимо, не случайно за новый вариант подобного многотомника не рискуют пока браться даже целые академические коллективы ученых, не говоря уже об отдельных исследователях. Неизбежно должны были возникнуть трудности с получением необходимой литературы и источников, многие сюжеты были еще совершенно не разработаны, отсутствовала - если не считать некоторых отправных марксистских положений - даже самая предварительная, предельно общая концепция будущего труда. Как определить само понятие «общественная мысль», каким образом взаимодействуют внутренние и внешние факторы ее движения, как соотносятся во взглядах людей на общество моменты общечеловеческие и социально-классовые, национальные и интернациональные? Ответы на эти и многие другие вопросы могла дать только напряженная, в полном смысле слова исследовательская работа. Но как раз ее Плеханов никогда не боялся: ведь наука с молодости всегда была его страстью, и чем труднее был путь к цели, тем заманчивее она ему казалась.

Нельзя сбрасывать со счетов и заинтересованность Георгия Валентиновича в заработке: европейский комфорт стоил не дешево, дочерям было уже за двадцать, а постоянный источник дохода имела в семье лишь Розалия Марковна.

Заказ на историю общественной мысли, как говорится, свалился на Плеханова совершенно неожиданно. В апреле 1909 г. московское издательство «Мир» обратилось к нему с предложением написать книгу по истории русской общественной мысли XIX в. «с точки зрения экономического материализма» объемом примерно в 30 печатных листов. Плеханов уже сотрудничал с «Миром», опубликовав в «Истории русской литературы XIX века» под ред. акад. Д.Н.Овсянико-Куликовского очерки, посвященные Белинскому, Герцену и Чернышевскому. Положительно отнесся он и к условиям договора, предложенным издательством. Был здесь и еще один немаловажный момент: летом 1908 г. Плеханов безжалостно раскритиковал в журнале «Современный мир» двухтомную работу Р.В.Иванова-Разумника по истории русской общественной мысли XIX в. (статья Плеханова называлась «Идеология мещанина нашего времени»). Теперь сама судьба, казалось, дарила ему уникальную возможность развернуто изложить свои собственные взгляды на этот интереснейший феномен отечественной и мировой культуры. Вот почему Плеханов принял предложение издательства и в конце октября 1909 г. отправил в Москву план предполагаемого труда.

Первоначально Плеханов намечал включить в работу девять следующих разделов: 1. Общее историческое введение; 2. Век Екатерины II (Новиков, Радищев и др.); 3. Павел I и Александр I. Декабристы; 4. Николай I (общий обзор состояния страны и литературы, славянофилы, западники, петрашевцы); 5. Александр II (60-е годы, революционные кружки, народничество, «хождение в народ», народовольчество, катастрофа 1 марта 1881 г.); 6. Александр III (вырождение народничества и возникновение марксизма); 7. Николай II — первая часть (спор народников и субъективистов с марксистами, дифференциация в марксизме, «критика Маркса»); 8. Николай II — вторая часть (политические партии: европеизированный либерализм, социал-демократы, социалисты-революционеры); 9. События 1905—1907 гг. и их влияние на эволюцию русской

общественной мысли1.

Как видим, Плеханов уже в самом начале предполагал выйти за рамки девятнадцатого столетия, включив в работу, с одной стороны, материал по истории русской общественной мысли конца XVIII в., а с другой — раздел о влиянии на идейную жизнь России революции 1905—1907 гг. Для этого ему требовалось как минимум 46 печатных листов. Однако в дальнейшем нижняя хронологическая граница его труда была отодвинута к эпохе Киевской Руси, и, написав к 1917 г. текст объемом 56 печатных листов, Плеханов сумел выполнить свой авторский план лишь примерно на 30%. Глава о Радищеве оборвалась буквально на середине фразы.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 145-146.

¹ См.: Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 255 (развернутый план многотомника см.: там же. С. 127—142.

Плеханов работал над «Историей русской общественной мысли» в разных местах, но особенно хорошо ему писалось в маленьком итальянском городке Сан-Ремо, близ Ниццы, где начиная с 1909 г. Георгий Валентинович ежегодно проводил зимние месяцы в санатории «Виттория», организованном Розалией Марковной. Дело в том, что зимний женевский климат был вреден Плеханову, и жена решила, чтобы не расставаться с ним, устроить небольшой лечебный пансионат на берегу моря в Италии, вложив свои сбережения в аренду виллы с парком у некого господина Паганелли (контракт продлевался каждый год до отъезда Плехановых в Россию весной 1917 г.). Пациентами санатория были члены семей революционеров и политических эмигрантов из России или индифферентная к политике публика, которую привлекала невысокая плата за лечение и отдых, установленная Розалией Марковной. Надежной помощницей матери стала к тому времени дочь Лидия, получившая диплом врача-невропатолога. На лето санаторий закрывался, и семья Плехановых возвращалась в Женеву.

Три первых тома «Истории русской общественной мысли» вышли в свет соответственно в 1914, 1916 и 1917 гг., причем издательство предполагало опубликовать еще 4 тома, о чем и уведомило читателей. Однако осуществить эти планы уже не удалось. О проделанной Плехановым колоссальной работе свидетельствуют десятки папок с самыми различными подготовительными материалами по истории русской общественной мысли — выписками из книг, планами, конспектами, вариантами глав и т.д., хранящиеся в Доме Плеханова в Петербурге.

Огромные трудности пришлось преодолеть Плеханову для того, чтобы получить необходимые для работы источники. Если учесть, что русские книги были тогда в европейских библиотеках довольно редкими гостями, то станет понятно, почему Георгию Валентиновичу нужно было тратить столько времени и энергии, чтобы раздобыть старинные издания. Плеханов буквально осаждал просьбами о присылке в Швейцарию книг и журналов своего заказчика — издательство «Мир», друзей, знакомых, авторов тех или иных сочинений по интересовавшим его вопросам. Он пользовался также литературой из богатейшей библиотеки известного русского библиографа и просветителя эмигранта Н.А. Рубакина в Кларане, а также интенсивно пополнял свою личную библиотеку². Не случайно пер-

вый том «Истории русской общественной мысли» открывался благодарностью автора всем, кто помог ему в получении необходимых для работы материалов. При этом Н.А.Рубакина, с которым Георгий Валентинович познакомился в 1909 г., он счел своим долгом поблагодарить особо: «Ничто не мешает мне, — писал он, — ...назвать здесь по имени Н.А.Рубакина, с любезностью, поистине беспредельной, предоставившего в мое полное распоряжение свою богатейшую библиотеку» 1.

И еще один, очень характерный для Плеханова штрих: среди иллюстраций первого тома — а их список непременно согласовывался с автором — были портреты трех выдающихся русских историков — Н.П.Павлова-Сильванского, В.О.Ключевского и С.М.Соловьева, к трудам которых Георгий Валентинович не раз обращался в ходе своей работы. Это был поистине рыцарский поступок подлинного ученого, знак его глубочайшего уважения к своим знаменитым предшественникам, хотя начиная с первых же страниц плехановская «История» носит ярко выраженный полемический характер.

Заметим, что Плеханов использовал также книги таких исследователей, как Н.И.Костомаров, В.И.Семевский, А.П.Щапов, М.П.Погодин, А.С.Лаппо-Данилевский, М.С.Грушевский, С.Ф.Платонов, А.А.Кизеветтер, П.Н.Милюков, М.М.Ковалевский, М.В.Довнар-Запольский, Е.В.Тарле, не говоря уже об историках более скромного калибра. Широко привлекал он и работы западных авторов. Есть в «Истории русской общественной мысли» ссылки на Маркса, Энгельса, Чернышевского.

Перед Плехановым встали также большие трудности концептуального порядка, поскольку работ профессиональных историков марксистского направления по проблемам русского феодализма тогда почти не было (исключение составляли лишь сочинения М.Н.Покровского, к которому Плеханов относился довольно критически, и Н.А.Рожкова). Поэтому автор «Истории русской общественной мысли» вынужден был опираться в первую очередь на труды консервативных, либеральных и народнических авторов. За такой подход Плеханова критиковали потом и справа, и слева, обвиняя в эклектике, подражательности, поверхностности и т.п., хотя в действительности он все же сумел предложить читателю свое, пусть не бесспорное и не всегда достаточно глубокое, но серьезное и во многом оригинальное прочтение отечественной истории с VIII—IX до начала XX в.

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 44.

² Библиотека Плеханова насчитывала к концу его жизни примерно 16 тыс. названий книг, брошюр, журналов и т.п. на 18 языках. (Каталог библиотеки Г.В.Плеханова. Л., 1965. Вып. І. С. ХІІ.). У Плеханова была богатая коллекция марксистской литературы, книги по философии, истории, экономике, эстетике, истории искусства, литературоведению, справочники и словари. В историческом разделе библиотеки было около 600 работ по отечественной и почти тысяча — по всеобщей истории.

¹ В свою очередь Плеханов помогал Рубакину в редактировании материалов для второго издания его знаменитого библиографического труда «Среди книг». Он просматривал в рукописи или в корректуре наиболее важные разделы по общественным наукам, отмечал фактические неточности или неудачные формулировки, консультировал Рубакина по поводу написанной Лениным заметки «О большевизме» (см.: Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. І. С. 245—251, 253—254, 257—259).

Очерк развития русских общественных отношений за этот более чем тысячелетний период, составляющий объемистое введение к первому тому, по существу представляет собой интереснейшую и вполне самостоятельную работу. По мнению Плеханова, история России обнаруживает черты сходства как с историей западноевропейских стран, так и с процессом развития великих восточных деспотий — Китая, Индии, Персии, Египта, сохраняя, однако, свою специфику и неповторимость. При этом если Восток как бы все время тянул Россию назад, в прошлое, то Запад олицетворял ее будущее, хотя интенсивно протекавший со времен Петра I процесс европеизации нашей страны оставался еще далеко не завершенным даже через два столетия после начала петровских реформ.

Свою мысль о постоянных колебаниях России между Западом и Востоком Плеханов проиллюстрировал на примере недавних событий 1905-1907 гг. Взрыв этот, писал он, явился равнодействующей двух совершенно различных по своей природе сил: одна из них была создана процессом европеизации страны, вторую породил ее старый восточный быт, первую олицетворял рабочий класс, вторую — крестьянство. Пока одна сила подкрепляла действие другой, революция шла на подъем, но, когда они стали работать в противоположных направлениях, консервативная сила укрепила позиции защитников старого порядка и тем самым предопределила поражение революционеров¹.

Как марксист, Плеханов стремился показать прежде всего те материальные факторы, которые обусловили особенности исторического развития России: ее сложные и далеко не всегда благоприятные для человека природно-климатические условия, открытость границ для соседей-завоевателей и кочевников, интенсивные и продолжительные по времени колонизационные процессы, длительное преобладание натурального хозяйства, слабость городов и как результат — относительно медленный темп социально-экономического прогресса страны. По мнению Плеханова, в отличие от Запада на Руси были закрепощены не только крестьяне, но и высшее, служилое сословие, что сближало ее с восточными деспотиями. Основой этих порядков была та своеобразная «национализация» земли, которая утвердилась в России по крайней мере со времен Ивана Грозного, т.е. с середины XVI в., когда царь стал верховным земельным собственником в масштабах всей страны. Аналогичная ситуация существовала в древнем Египте, Китае, Персии, Индии, тогда как на Западе получила распространение частная феодальная собственность на землю.

Плеханов был твердо убежден в том, что царское правительство в России было самым дорогостоящим для подданных и вместе с тем

самым неэффективным правительством в мире. Вынужденные отстаивать независимость Русского государства в борьбе с более сильными и экономически развитыми западными соседями, московские великие князья, а затем и цари безжалостно эксплуатировали свое закрепощенное население, причем степень этой эксплуатации значительно превосходила даже самые бесчеловечные восточные нормы. Не приходится поэтому удивляться ни нищете русского народа, ни его забитости. Плеханов не раз отмечал в своих произведениях, в том числе и в «Истории русской общественной мысли», аполитичность, консерватизм и царистские иллюзии крестьянства, а также политическую инертность городского населения в России, что не могло не наложить глубокий отпечаток на весь ход русской истории. Все сказанное выше и обусловило появление ряда своеобразных черт «в ходе нашего умственного развития и в нашем так называемом народном духе».

Большое значение придавал Плеханов такому важному фактору общественного развития, как классовая борьба, борьба сословий и отдельных слоев внутри того или иного класса или сословия. Не случайно во введении к своему труду он особо выделил мысль о том, что «ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений» 1.

Вторая часть этой формулы рассматривалась в советское время как попытка теоретического оправдания той социал-патриотической позиции, которую занял Плеханов в 1914—1918 гг. Действительно. будучи возведено в ранг некого общесоциологического закона, это положение достаточно уязвимо и опровергается, например, конкретными фактами из истории России времен Первой мировой войны. Однако в известных пределах тезис Плеханова — хотелось бы того или нет некоторым марксистским ортодоксам — все же отражает исторические реалии: так, в 1904 и осенью 1914 – начале 1915 г. в России, несомненно, имел место резкий спад рабочего движения, который трудно объяснить одним лишь усилением правительственных репрессий в условиях военного времени. В еще большей степени это относится к крестьянскому движению и выступлениям средних городских слоев. Немало аналогичных фактов можно найти и в более отдаленные периоды отечественной истории, например, в 1812 г.

Однако чем острее были социально-экономические противоречия внутри страны, тем относительнее было это достаточно хрупкое национальное единство, которое разрушалось не столько «поражен-

¹ См.: Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. І. С. 113.

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 11.

ческой» пропагандой наиболее радикально настроенной части революционеров, сколько далеко не равным распределением физических, материальных и психологических тягот войны между различными социальными слоями нации. Этих важных моментов формула Плеханова явно не учитывала. Неудачным был и термин «дружное сотрудничество», которое употребил в данном случае Плеханов, имея в виду взаимоотношения антагонистических классов в период войн. Вместе с тем его мысль о том, что в некоторых ситуациях базовое этническое начало выступает на первый план по сравнению с социальными различиями, была очень продуктивной и заслуживает самого серьезного внимания.

«История русской общественной мысли» — это большое, многоплановое произведение. Здесь есть и широкие исторические обобщения, и детальная фактографическая проработка ряда привлекших внимание автора сюжетов, например, истории знаменитой екатерининской Уложенной комиссии 1767—1769 гг. Вполне понятно, что, освещая феодальный период в истории России, Плеханов не мог не уделить большого внимания русской православной Церкви, движению раскольников, различным религиозным сектам. Сотни страниц плехановского текста посвящены детальному разбору наиболее выдающихся памятников отечественной общественной мысли эпохи феодализма, в который умело и тонко вплетается рассказ о жизнен-

ном пути их авторов.

Под пером Плеханова ожили образы Ивана Грозного и князя Курбского, патриарха Никона и протопопа Аввакума, служилого человека Ивана Пересветова и одного из первых русских «западников», фаворита царевны Софьи князя Василия Голицына, Петра I и его сподвижников Феофана Прокоповича, историка и государственного деятеля Татищева, купца Ивана Посошкова. А рядом с ними великий русский ученый Ломоносов, писатели и просветители Фонвизин, Сумароков, Новиков... Пожалуй, особенно повезло в «Истории русской общественной мысли» XVIII веку - веку великих реформ и тонких дворцовых интриг, французского вольномыслия и дикого русского барства, просвещенного абсолютизма и крепостного рабства. Обильное цитирование документальных и литературных источников, отобранных с глубоким знанием дела и тонким художественным вкусом, позволило Плеханову передать саму атмосферу той эпохи, показать быт и нравы различных социальных слоев, сложный и противоречивый процесс приобщения русского общества к передовой европейской культуре.

Хотелось бы подчеркнуть, что в «Истории русской общественной мысли» Плеханов выступает как убежденный материалист, просветитель-западник и революционер. Не ограничиваясь общими декларациями в духе исторического материализма, он на богатейшем конкретном материале российской истории показывает, как естественно-природные условия влияли на уровень развития производительных сил, а затем убедительно выстраивает логически завершен-

ную цепочку: система производственных отношений — социальная структура общества — взаимоотношения между классами и их борьба — политическая и идеологическая надстройка. Движение общественной мысли для Плеханова — это отражение общественного бытия. Поэтому совершенно не случайно появление в его работе таких глав: «Движение общественной мысли под влиянием борьбы духовной власти со светской», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы дворянства с боярством», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы царя с боярством» и т.д.

В то же время Плеханов далек от грубых социологических схем и упрощенного, прямолинейного подхода к такому специфическому явлению, как общественная мысль вообще и русская общественная мысль в особенности. Тот факт, что Россия стояла на границе между Востоком и Западом не только чисто географически, но была и своеобразным цивилизационным мостом между ними, не мог не наложить отпечатка и на развитие ее духовной жизни. Может быть, именно поэтому так велика была роль в ее судьбе разного рода внешних влияний, подражаний и заимствований, которые существенно деформировали естественный ход исторического развития, вызывая в свою очередь в качестве ответной реакции усиление консервативных, «почвенных» тенденций. В этих условиях передовая русская общественная мысль, ориентированная на Запад, часто не находила опоры в реальных общественных отношениях, отрывалась от них, приходила в конфликт с властью и оставалась на уровне «бессмысленных мечтаний», не находя понимания и полдержки ни в «верхах», ни в «низах».

Один из трагических парадоксов российской действительности состоял в том, что, повернувшись в сугубо прагматических целях лицом к Западу, который мог дать России передовую технику и знания, царизм не хотел довести этот процесс до логического конца, не допуская даже мысли об освобождении своего народа от того социального и духовного рабства, в котором он веками пребывал. Отсюда и возникали те «тупиковые» ситуации, в которые постоянно попадала передовая русская общественная мысль, а также личные трагедии многих ее лучших представителей. Как показал Плеханов, эти люди начинали понимать, что «дело русского прогресса будет иметь под собою твердую почву только тогда, когда в России разовьется капитализм» 1. Но именно этого и не хотел царизм, веками цеплявшийся за феодальные порядки и принципиально отрицавший поэтому идеи свободы и равенства всех граждан.

Легально изданная работа Плеханова тем не менее несла в себе мощный антисамодержавный заряд. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться хотя бы к характеристикам некоторых

 $^{^1}$ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. III. С. 247.

царственных особ. Вот как описывает, например, Плеханов Ивана Грозного. Он называет его разнузданным «зверем-человеком», с наслаждением купавшимся в крови своих подданных, говорит о поразительном лицемерии царя, не соглашается с теми, кто считает его талантливым публицистом и полемистом. Плеханов признает, что в ссоре с князем Курбским Грозный предстает как новатор, но добавляет при этом, что «введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном отношении» 1.

Эта линия была продолжена затем «просвещенным деспотом» Петром I, который, европеизируя Россию, «доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собою восточные деспотии»². Отдавая должное Петру как личности и выдающемуся государственному деятелю, Плеханов одновременно подчеркивает, что петровские преобразования надолго оставили в неприкосновенности, а в некоторых отношениях даже упрочили старые основы социально-политического строя России, что европеизация страны оставалась весьма поверхностной, а положение народа было крайне тяжелым³.

Не пощадил Плеханов и Екатерину II. Он писал, что в ее характере было «много черт, сближающих ее с итальянскими тиранами эпохи Возрождения: та же даровитость; та же свобода от «предрассудков»; та же способность интересоваться успехами культуры; та же упругая энергия; то же холодное самообладание; то же бессердечие; то же властолюбие и та же беспредельная неразборчивость в средствах» 4. Плеханов отмечал разительное противоречие между красивыми словами и реальной продворянской политикой Екатерины, высмеивал ее либеральную фразеологию в духе французских просветителей, за которой стояла на деле первая помещица России.

Сосредоточив свое основное внимание на духовной сфере жизни российского общества, Плеханов сравнительно скупо освещает основные вехи его политической истории. Однако он хорошо помнит о том, что история любого классового общества — это в определенном смысле история классовой борьбы. С большим интересом читаются и сегодня те страницы плехановского труда, которые посвящены крупнейшим народным восстаниям XVII—XVIII в. под руководством Разина, Булавина, Пугачева. При этом Плеханов подчеркивает

глубокий трагизм всех этих движений, состоявший в том, что бунтующий народ не имел еще объективной возможности заменить существующий строй принципиально новыми (читай: буржуазными) порядками и не выдвигал поэтому сколько-нибудь отчетливой программы социально-политического обновления страны, выступая, в частности, за «доброго» царя и обращение всего закрепошенного населения в вольное казачество, повинующееся, однако, этому царю. «Идя за Пугачевым, — писал Плеханов, — народ стремился свалить с себя гнет помещичьего государства и так или иначе, в той или другой мере, вернуться к старым порядкам, существовавшим до того времени, когда это государство окончательно сложилось и окрепло. Он смотрел не вперед — куда смотрело во второй половине XVIII века третье сословие во Франции, — а назад, в темную глубь прошедших времен... Назад смотрели и раскольники, приглашавшие народ умирать за древнее благочестие... Лишь по прошествии продолжительного времени, лишь во второй половине девятналиатого столетия, отдаленные последствия преобразования, связанного с именем Петра, привели к появлению в народной массе сознательных элементов, способных, в борьбе за лучшее будущее, обратить свои умственные взоры не назад, а вперед, не туда, куда смотрели бояре, роптавшие на грозного царя, и раскольники, умиравшие за старую веру, а туда, куда смотрят сознательные слои трудящейся массы во всем цивилизованном мире» 1.

В целом же Плеханов был убежден в том, что «чем более обостряется взаимная борьба общественных классов, тем быстрее движется вперед общественная мысль»². Недаром Гегель, к которому Плеханов относился с огромным пиететом, говорил: противоречие ведет вперед. Именно эти противоречия российской действительности и давали в конечном счете основной, решающий импульс процессу развития общественной мысли, который исследовал Плеханов.

Как же был встречен на родине его новый фундаментальный труд? Рецензий было немного, ибо грозные события Первой мировой войны заслонили собой все остальное. Но на отклике крупного российского историка и видного члена кадетской партии профессора А.А.Кизеветтера стоит остановиться подробнее. «Никакие разногласия с общественно-политическими воззрениями Г.В.Плеханова не могут ни в чьих глазах заслонить ни яркого литературного таланта, ни сильного и своеобразного ума и разносторонней эрудиции этого замечательного писателя и крупного политического деятеля, — писал Кизеветтер. — От той или иной книги, написанной Плехановым, можно не получить полного удовлетворения, можно решительно разойтись с ее положениями и выводами, но совершен-

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 192.

² Там же. М., 1915. Т. II. С. 94.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. Т. III. С. 128.

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т. III. С. 95 – 96.

² Там же. Т. І. С. 133.

но невозможно не найти в ней пищи для плодотворного возбуждения мысли» 1.

Рецензент откровенно признавался в том, что не вполне удовлетворен первым томом «Истории русской общественной мысли», хотя и отдавал должное автору, сумевшему создать в высшей степени интересное исследование. По мнению Кизеветтера, Плеханов не сумел дать читателю полного представления о сложности классового строения древнерусского общества. Соглашаясь с основной идеей Плеханова об относительном характере того своеобразия, которым отличалось историческое развитие России, и о процессе европеизации как его магистральном направлении в новое и новейшее время. Кизеветтер тем не менее упрекал его в некотором схематизме и упрощенном подходе к рассматриваемым явлениям. Так, почтенный историк находил слишком прямолинейной плехановскую формулу: Россия=Европа+Азия, поскольку даже в русской азиатчине, по мнению Кизеветтера, гораздо больше европейского, чем представляется Плеханову, и поэтому противопоставление Европы Азии должно быть менее резким, чем это сделано в рецензируемом труде. Кизеветтер полагал, что Россия — это скорее запаздывающая Европа, чем европеизирующаяся Азия, какой изображал ее Плеханов, идущий лишь по опушке фактов, но не заходящий в их чащу, как остроумно и не без язвительности выразился автор рецензии. Было у него и несколько более конкретных замечаний и соображений по поводу первого тома «Истории русской общественной мысли». В заключение Кизеветтер делал не слишком приятный для самолюбивого Плеханова вывод: потребуется еще немало кропотливого труда и монографическое исследование отдельных вопросов, прежде чем можно будет сказать, что проблема, за которую взялся Плеханов, решена2.

От себя добавим: сильными сторонами труда Плеханова были многофакторный диалектический анализ развития русской общественной мысли, богатство фактуры, учет достижений отечественной историографии, яркость изложения; слабыми — излишняя схематизация исторического процесса в России, чересчур прямолинейные аналогии со странами Востока, не всегда оправданная детализация изложения. Кроме того, в «Истории русской общественной мысли» можно найти отдельные неточности, можно поспорить и с некоторыми оценками Плеханова. Так, видный философ-плехановед Б.А. Чагин считал, например, что Плеханов несколько недооценил таких русских мыслителей, как Пересветов, Посошков, Фонвизин, Новиков³. Надо сказать, что Георгий Валентинович предвидел воз-

можность подобных упреков, когда писал: «Для меня несомненно, что в моей работе найдутся те или иные частные промахи. Errare humanum est (человеку свойственно ошибаться. — лат.)»1.

Плеханова, видимо, можно упрекнуть и за отсутствие четко выраженной общей концепции развития русской общественной мысли. Можно, наконец, пожалеть и о том, что он не выделил те узловые, общественно значимые проблемы, которые входят в понятие «общественная мысль» (человек и окружающая среда, место человека в обществе и нормы его поведения, власть и общество, политика и мораль, материальный и духовный прогресс, война и мир, классы и классовая борьба, национальное и интернациональное, соотношение религиозного и светского начала и т.д.). Но главное состоит все же в том, что Плеханов создал принципиально новый для своего времени научный труд, не утративший своего значения и поныне. При этом он вновь блеснул здесь своими поистине энциклопедическими знаниями, литературным мастерством. глубиной проникновения в сложнейшие процессы общественного развития. Вот почему «История русской общественной мысли» Плеханова сама стала одним из наиболее значительных ее достижений, и хотелось бы думать, что объективная, подлинно научная оценка ее с позиций современного знания еще впереди.

Параллельно с систематической, порой изнурительной работой над ранними периодами в истории русской общественной мысли Плеханов очень часто обращался в то время и к более поздним ее страницам, относящимся к XIX—началу XX в. Так, еще в 1908 г. он напечатал в «Современном мире» рецензию на книгу М.О.Гершензона о П.Я.Чаадаеве, а в 1909—1914 гг. опубликовал ряд работ о В.Г.Белинском, А.И.Герцене, Н.Г.Чернышевском (большая книга о нем, изданная в Петербурге в 1909 г., подводила итог многолетнему изучению жизни и творчества великого русского революционерадемократа), Н.А.Добролюбове, историке М.П.Погодине, рецензию на сочинения славянофила И.В.Киреевского и др. В известной мере все они могут рассматриваться как творческие заготовки для «Истории русской общественной мысли».

И все же партийные дела по-прежнему оставались в поле зрения Плеханова, то и дело отвлекая его от научных занятий. Он не мог не чувствовать, что ситуация в РСДРП становится все более тяжелой. В рядах меньшевиков набирали силу «ликвидаторские» тенденции. Потресов, например, открыто заявил, что партии как организованного целого на самом деле уже нет, а среди петербургских «ликвидаторов» в ходу даже была поговорка: умные люди теперь в партии не работают².

¹ Голос минувшего. 1916. № 1. С. 325.

² Там же. С. 334.

 $^{^3}$ См.: Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. III. С. 12-16.

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т. І. С. 4.

² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 152, 207.

Больно ранили Плеханова и высокомерно-пренебрежительные высказывания о революционном подполье как о пройденном этапе в истории пролетарского движения в России, складывавшийся в меньшевистских кругах культ легализма, откровенный отказ от ведущей роли пролетариата в борьбе с самодержавием.

Порвав с «Голосом социал-демократа», Плеханов решил возобновить издание своих «Дневников», прерванное на восьмом номере в сентябре 1906 г. При этом он придал своему изданию ярко выраженную антиликвидаторскую направленность. С августа 1909 по апрель 1912 г. читатель получил 8 выпусков «Дневника социал-демократа» с тремя приложениями, причем Плеханов открыл страницы своего органа и для других меньшевиков-партийцев, как стали называть в то время его сторонников.

«Партийный меньшевизм» зародился еще в 1908 г. Помимо самого Плеханова, видную роль среди меньшевиков-партийцев играли за границей В.П.Фомин (Ольгин), Х.Раппопорт, М.Л.Вельтман (Павлович), Ф.О.Цедербаум (Дневницкий), М.Я.Бабин (двое последних выполняли секретарскую и организационную работу по заданиям Георгия Валентиновича). В 1909 г. небольшие группы плехановского направления возникли в Париже, Женеве, Ницце, Сан-Ремо и некоторых других местах. В самой России группы меньшевиков-партийцев сложились в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Уфе, Баку. Среди активистов «партийного меньшевизма» были В.П.Затонский, Г.И.Чудновский, Д.М.Шварцман, Я.Д.Зевин, рабочий И.Д.Чугурин, ставшие позже большевиками. В ряде мест меньшевики-партийцы работали в тесном контакте с большевиками.

С весны 1910 г. Плеханов стал сотрудничать и в центральном органе партии — заграничной газете «Социал-демократ», руководителем которой был тогда Ленин, поскольку Мартов и Дан всячески уклонялись от работы в редакции. Всего в течение 1910—1911 гг. Плеханов опубликовал в «Социал-демократе» восемь статей.

Лейтмотивом плехановской политической публицистики этого периода была борьба с «ликвидаторством» и его идейными вождями. Особенно сильное впечатление производит статья «В защиту «подполья»», опубликованная в «Социал-демократе» весной 1910 г. Гневно и страстно ответил в ней Плеханов всем, кто изображал революционное подполье как некое «темное царство», где процветают ограниченность и карьеризм, доносы и провокация, дрязги и склоки. Он напомнил о том, какую большую роль играло революционное подполье в политической жизни России начиная с середины XIX в., как генерировало оно передовые идеи, выковывало кадры борцов против самодержавия. «По русской пословице, суженого конем не объедешь, — писал Плеханов. — При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не объедет ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортунизма. Да здравствует наш «подпольный

крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии»¹.

Плеханов считал, что обе фракции РСДРП должны очиститься от своих оппортунистических элементов — «ликвидаторов» у меньшевиков, «отзовистов» и «ультиматистов»² — у большевиков. Это «генеральное межевание» должно было способствовать сближению всех истинно социал-демократических элементов, признающих подпольные организации ядром марксистской рабочей партии в России. «Такое сближение возродило бы нашу партию, — подчеркивал Плеханов, — и сделало бы ее способной с честью выполнить свою ближайшую историческую миссию: руководительство («гегемония»!) всеми живыми общественными силами в их более или менее близком, но неизбежном столкновении с торжествующей теперь реакцией»³.

Такая позиция Плеханова очень устраивала Ленина. С другой стороны, на этой почве не могли не возникать постоянные коллизии между Плехановым и «ликвидаторами», борьба с которыми по своей остроте и интенсивности не уступала борьбе Плеханова с большевиками в 1904 г.

Когда перечитываешь сегодня статьи Плеханова против Потресова, Мартынова, Дана, написанные в период борьбы с «ликвидаторством», невольно думаешь: как же силен был в первом русском марксисте дух борца, с каким блеском владел он всеми полемическими приемами от огненного сарказма до ледяного презрения к оппоненту, как умел мобилизовать в нужный момент всю свою поистине колоссальную эрудицию! Это отнюдь не значит, что Плеханов-полемист всегда и во всем одинаково убедителен: как и все русские революционеры, он нередко воюет не только с идеями, но с живыми людьми, задевая при этом их человеческое достоинство: острое словцо подчас заменяет у него весомые аргументы, а демонстрация эрудиции становится самоцелью. Как метко заметил однажды Ленин, речь Плеханова порой напоминает бенгальский огонь: она искрится, сверкает, переливается всеми цветами радуги, но стоит подвергнуть ее строгому логическому разбору, - и сразу становится ясно, как страдает ее содержательная сторона. Бывал

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 135-136.

² Сторонники А.А.Богданова, выступавшие против преувеличения роли легальных организаций, в частности думской фракции РСДРП, и требовавшие предъявить ей ультиматум о безоговорочном подчинении всем решениям ЦК, а в случае отказа — отозвать социал-демократических депутатов из Думы («ультиматисты») или сразу ликвидировать думскую фракцию РСДРП («отзовисты»).

³ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 67.

Плеханов и пристрастен, и несправедлив, и откровенно неправ (впрочем, то же самое можно сказать и о многих других русских марксистах, включая Ленина). Но по большому счету в полемике с «ликвидаторами» Плеханов был, несомненно, прав, хотя в очередной раз и несколько перегибал палку, разделяя меньшевиков только на две категории — «партийцев» и «ликвидаторов» и преуменьшая значение центристского ядра меньшевизма во главе с Мартовым, которое грешило примиренчеством по отношению к «ликвидаторству», но никогда не сливалось с ним.

Плеханов резко критиковал в тот период не только откровенных «ликвидаторов», но и тех меньшевиков, которые пытались поставить под сомнение некоторые основополагающие, как считал Георгий Валентинович, идеи русского марксизма. Так было, в частности, с А.С. Мартыновым (Пиккером). Этот 43-летний публицист, за плечами у которого были работа в «Народной воле», аресты, тюрьма, ссылка на Колыму и в Якутию, увлечение «экономизмом», работа в меньшевистской «Искре», считался тогда восходящей новой звездой меньшевизма. Несмотря на свою хромоту, он проявлял колоссальную энергию и в 1907 г. на V съезде РСДРП был избран в состав ЦК РСДРП. Мартынов учился в свое время на юридическом факультете Петербургского университета, занимался у известного историка В.И.Семевского и на всю жизнь сохранил интерес к историческим изысканиям. Несколько раз издавались его «Очерки русской истории», а в начале 1905 г. в Женеве появилась его ставшая знаменитой брошюра «Две диктатуры», где он проводил интересную, хотя и далеко не бесспорную параллель между Великой французской революцией XVIII в. и революцией в России. Не приходится удивляться поэтому, что именно Мартынову, который работал в 1908 г. секретарем редакции «Голоса социал-демократа», было поручено написать для многотомника «Общественное движение...» статью «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», призванную сбалансировать слишком уж явные просчеты в упоминавшейся выше статье Потресова, которая вызвала такой гнев Плеханова.

Можно сильно усомниться в утверждении Мартынова о том, что после II съезда РСДРП Плеханов стал «дружить» с ним¹, однако в 1904—1908 гг. каких-либо серьезных столкновений у них не было, и Мартынов щедро раздавал Георгию Валентиновичу комплименты (кажется, именно он первым назвал его отцом русской социал-демократии). Однако, несмотря на все реверансы Мартынова в сторону группы «Освобождение труда», предложенная им интерпретация истории русского марксизма тоже не удовлетворила Плеханова.

Дело в том, что еще в 1908 г. Мартынов напечатал в «Голосе социал-демократа» большую статью под названием «Движущая сила русской революции», а в 1909 г. поместил там же серию статей «Кто ликвидировал идейное наследство», где изложил свои взгляды по вопросу о генезисе идеи гегемонии пролетариата. Мартынов полемизировал, в частности, с большевиком Л.Б.Каменевым, который выступил в «Пролетарии» со статьей «Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции» 1. Каменев считал родоначальником этой идеи Плеханова, устанавливал преемственность между его взглядами и взглядами большевиков и акцентировал внимание на том, что меньшевики-ликвидаторы стали в этом вопросе отступниками от плехановских заветов. Мартынов возражал Каменеву буквально по каждому пункту: «отцом» идеи гегемонии он считал не Плеханова, а Аксельрода, возникновение ее относил не к 80-м, а к середине 90-х годов XIX в. и объявлял большевиков не хранителями, а вульгаризаторами революционных традиций. По мнению Мартынова, большевики оттолкнули от революции либералов, реставрировали многие положения народнической доктрины, взяли курс на революционную диктатуру, превратили партию в организацию профессиональных революционеров и подменили ею пролетариат как класс. В результате на смену прежней трактовке гегемонии пролетариата в духе идей группы «Освобождение труда», которая предполагала тесное сотрудничество всех демократических и либеральных элементов российского общества при инициирующей роли рабочего класса, пришло гораздо более жесткое ленинское понимание гегемонии как руководящей роли революционной партийной организации, диктующей свою волю всем непролетарским слоям и стремящейся максимально ускорить ход событий во имя захвата власти революционерами, не считаясь при этом с реальными условиями и желанием самих объектов этого социал-демократического воздействия.

Статьи Мартынова вызвали в меньшевистских кругах оживленную дискуссию, в ходе которой его трактовка идеи гегемонии была в основном поддержана². Не было споров и о том, что осуществить ее в полной мере в 1905 г., не говоря уже о периоде отступления революции (1906—1907 гг.), не удалось. Что касается перспектив на будущее, то здесь мнения разделились: Мартов был убежден, что в новых условиях возврат к гегемонии пролетариата невозможен, другие меньшевистские идеологи считали столь прямолинейное решение вопроса слишком поспешным.

Плеханов, которого Мартынов так неосторожно задел в своей статье, опубликованной в «Голосе социал-демократа», счел нужным немедленно откликнуться на его исторические изыскания в полеми-

¹ См. автобиографию А.С.Мартынова в кн.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 529.

¹ См.: Пролетарий. 1909. 5 сентября и 3 октября.

² См.: РЦХИДНИ. Ф. 343. Оп. 1. Д. 106, 112, 113.

ке, развернувшейся в 1910 г. в «Дневнике социал-демократа», доказывая, что приоритет в постановке проблемы гегемонии принадлежит ему¹. Но поскольку сам термин «гегемония пролетариата» в его работах 80-х годов еще не употреблялся, Плеханов, естественно, не мог представить оппоненту «справки» о своем первородстве, хотя анализ плехановского идейного наследия показывает, что генезис идеи гегемонии пролетариата действительно нужно начинать с 80-х, а не с 90-х годов прошлого века. Что касается роли П.Б.Аксельрода в разработке концепции гегемонии, то Плеханов заявил, что не видит никаких оснований для противопоставления их взглядов по этому вопросу. До декабря 1908 г. между нами вообще не было серьезных разногласий, писал он, мы были вполне солидарны и, высоко ценя политическое чутье и такт Аксельрода, я всегда смотрел на его согласие со мной как на одну из самых важных гарантий правильности моих тактических взглядов².

Одновременно Плеханов счел необходимым отмежеваться от большевиков, считавших себя его наследниками в данном вопросе. При этом он заявил, что в условиях политической неразвитости русского крестьянства гегемония пролетариата в ее ленинской интерпретации вела бы лишь к изоляции рабочего класса в борьбе за политические условия дальнейшего развития России на базе капитализма³.

После того как меньшевики включая Мартынова, ответили Плеханову брошюрой «Необходимые дополнения к дневникам Г.В.Плеханова», Георгий Валентинович решил продолжить разговор в большой статье под названием «Полемическая беспомощность, или сердит, да не силен», опубликованной в июле того же 1910 г. Поскольку Мартынов назвал его критические замечания в свой адрес «заведомым вздором» и прямо связал их с конфликтом в редакции «Общественного движения...» и в «Голосе социал-демократа», Плеханов ответил ему очень резко, сравнив даже с небезызвестным «полицейским» литератором Фаддеем Булгариным. Однако от некоторых щекотливых вопросов он предпочел здесь уйти, ничего не сказав об эволюции самого содержания понятия «гегемония» в конце XIX — начале XX в., роли П.Б.Аксельрода в развитии этой важной идеи⁴ и об изменении позиции меньшевиков, которые в начале 1905 г. неоднократно называли в «Искре» гегемонию проле-

тариата характерной особенностью начавшейся революции, затем изгнали этот термин из своего политического словаря, а потом признали устами Мартова, что после октября 1905 г. никакой гегемонии пролетариата в русской революции уже не было¹. Но ведь каждому вдумчивому читателю плехановских работ было ясно, что между ролью самого активного и смелого борца против самодержавия — а в 80-х годах XIX в. на большее пролетарский авангард и не мог претендовать² — и ролью политического руководителя и даже организатора выступлений других партий, классов и общественных слоев, как понимал гегемонию тот же Мартынов³, не говоря уже о Ленине, — дистанция немалого размера.

Но если аргументация Плеханова в споре с Мартыновым страдала рядом существенных изъянов, то приверженность идее гегемонии пролетариата в противовес мнению официального меньшевистского руководства в 1910-1914 гг. свидетельствовала о твердости его революционных взглядов и, несомненно, сближала Плеханова с Лениным. Больше того, в исторической ретроспекции Плеханов признал, что гегемоном Первой российской революции был пролетариат, хотя раньше он высказывался по этому вопросу достаточно туманно и уклончиво4. Так, в 1910 г. в предисловии к брошюре С.Т.Аркомеда «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» Плеханов ставил вопрос: что было бы, если бы революция 1905 — 1907 гг. проходила не под руководством пролетариата, а под руководством буржуазии? И отвечал: «Движение это оказалось бы еще дальше от окончательной победы. Больше того. Можно с уверенностью сказать, что мы не дождались бы и исторического дня 17 октября. Так как во главе нашего освободительного движения стоял пролетариат, то оно обнаружило максимум той силы, которую оно могло обнаружить при данных экономических условиях»5. А в феврале 1914 г. Плеханов уже категорически утверждал, что гегемония в борьбе с самодержавием может принадлежать только партии сознательного пролетариата и что партия кадетов реши-

¹ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 47-50.

² Там же. С. 59-60.

³ Там же. С. 57.

⁴ Так, в брошюре П.Б.Аксельрода «Историческое положение и взаимные отношения либеральной и социальной демократии в России» (Женева, 1898 г.) прямо говорилось о миссии пролетариата как передового отряда всей российской демократии и борца за «национальные интересы капиталистического прогресса России».

 $^{^1}$ См.: Мартов Ю.О. К 1 мая / / Голос социал-демократа. 1908. № 4—5; Рубакин Н.А. Среди книг. СПб., 1913. Т. 2. С. 771—772 (письмо Мартова Рубакину о сущности меньшевизма).

² Примером подобной интерпретации роли пролетариата в России может служить формула Плеханова 80-х годов: дайте нам 500 тыс. сознательных рабочих, и от русского абсолютизма не останется и следа (Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 235 – 236).

³ См.: Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. С. 306.

⁴ В 1907 г. Плеханов писал, например, что в России в 1905 г. было лишь «подобие» гегемонии пролетариата, превращению которого в подлинную гегемонию помешало сектантство и «бойкотизм» большевиков (Соч. Т. XV. С. 290—291);

⁵ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 293.

тельно неспособна сделаться гегемоном освободительного движения в России1. При этом он отчетливо сознавал, что главное в гегемонии пролетариата — это воздействие на крестьянство через нелегальную социал демократическую партию2.

Сильно доставалось от Плеханова не только Мартынову, не говоря уже о Потресове, но также и Федору Дану, который в значительной мере делал погоду в заграничном меньшевистском руководстве, используя, в частности, и свою близость с Мартовым (он был вторым мужем его любимой сестры Лидии). Поводом к их столкновению послужило сообщение В.П. Фомина (Ольгина) о том. что Дан в его присутствии высказался за перенесение места пребывания ЦК РСДРП из-за границы в Россию с чудовищной для любого честного партийца мотивировкой: там он скорее провалится. Можно представить себе, как взорвался Плеханов, узнав об этой «исторической» фразе меньшевистского лидера, с которым он уже не раз сталкивался по разным малоприятным поводам. Плеханов обнародовал информацию Ольгина, добавив еще один характерный для Дана эпизод: в конце 1903 г. тот очень презрительно отозвался в разговоре с Плехановым о решениях ІІ съезда РСДРП по организационным вопросам, спросив у него, можно ли относиться к ним без улыбки авгура?

Для того, чтобы читатель мог судить о цинизме Дана, напомним, что в Древнем Риме авгурами называли коллегию жрецов, толковавшую волю богов на основании наблюдений за полетом и криком птиц. Таким образом, Дан прозрачно намекал на то, что лишь наивные люди могут принимать решения партийного съезда за чистую монету, тогда как «посвященные» могут толковать их так, как им выгодно.

Дану ничего не стоило сначала называть Плеханова «самым авторитетным товарищем в партии», а потом, когда их отношения испортились, величать его «бедным родоначальником русской социал-демократии». Негодуя на Дана, Плеханов даже сравнил его с шекспировским Яго, заметив при этом: «Скромность заставляет меня признать, что это еще не очень большой комплимент Вам». В статье Плеханова было столько презрения, элегантной колкости, тонкой издевки, что любой другой (но не Дан) надолго замолчал бы после такой отповеди. Заканчивал же Плеханов свое открытое письмо так: «Прося принять Вас уверения в тех чувствах, которые я естественно должен питать к Вам как к выдающемуся кружковому дипломату, остаюсь всегда готовый сказать Вам в глаза горькую правду Г.Плеханов»3.

Столкновения Плеханова с меньшевиками не могли не сказаться и на его взаимоотношениях с большевиками. Недаром Ленин отмечал, что в «лихолетье» 1908—1912 гг. Плеханов воспевал «подполье» и разоблачал его противников. В свою очередь Георгия Валентиновича не могли не радовать разрыв Ленина с Богдановым и поистине бичующая ленинская критика «ликвидаторства». Так. Л.Б.Каменев, который был достаточно близок в этот период к Ленину, вспоминал, что последний всегда сохранял к Плеханову особое чувство, никогда не ставил его на одну доску с другими своими идейными противниками, ценил в нем не только большой ум, революционный опыт и громадные знания, но и боевой дух, воинственный пыл подлинного марксиста. Ленин всегда готов был считаться с аргументами Плеханова, в котором, по его словам. «живет подлинный якобинец». А в устах Ленина это было высшей похвалой. Недаром окружающие говорили Ленину: «А вель Вы. Владимир Ильич, влюблены в Плеханова». Ленин отшучивался, но не возражал1.

Надо сказать, однако, что Плеханов шел на новое сближение с Лениным очень осторожно. Сказывались и личные амбиции, и различия в оценке движущих сил революции, и сохранявшиеся разногласия по отдельным тактическим вопросам. Плеханов не торопился изменить свое мнение о Ленине как о бланкисте-заговорщике, потенциальном партийном диктаторе и «дубоватом» марксисте². Вот почему в июне 1910 г. он писал в одном из писем: «Заключить союз с Лениным? Это было бы нашим самоубийством. Ленина мы поддерживаем всякий раз, когда он поступит умно. Но и только. Более тесное сближение с ним невозможно»3.

Тем не менее в 1910-1911 гг. сближение Плеханова с Лениным все же шло, хотя о переходе меньшевиков-партийцев на большевистские позиции не могло быть и речи. Споры оставались, но ведь спор есть отец всех вещей, цитировал Плеханов великого грека Эфеса Милетского. А это значит, что можно спорить, но стремиться при этом к одной цели: «укреплению нашей партии и к упрочению ее влияния на широкую рабочую массу» 4.

29 марта 1910 г. были восстановлены после почти пятилетнего перерыва личные контакты Плеханова с Лениным. Последний прислал из Парижа Плеханову письмо, где говорилось, что он одобряет мысль о сближении всех истинно социал-демократических элементов в борьбе с «ликвидаторами» и «отзовистами» и хотел бы приехать в Сан-Ремо, где жил теперь зимой и весной Плеханов. Начиналось ленинское письмо словами: «Дорогой и многоуважаемый

Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 453.

² Там же. С. 289, 291.

³ Там же. С. 387 – 388.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 304−305. ² См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 22.

³ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-2.

⁴ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 23-24.

товарищ!», а заканчивалось: «С товарищеским приветом H.Ленин» 1.

Вскоре на улице Мари-Роз в Париже был получен ответ: «Дорогой товарищ. Простите, что замедлил ответом: я был нездоров. Я тоже думаю, что единственным средством разрешения кризиса, переживаемого теперь нашей партией, является сближение между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками. И я считаю, что мне с Вами надо лично переговорить. Но я нахожу, что наше свидание будет полезнее, если оно состоится несколько позже, когда лучше выяснится настроение обеих фракций. События идут теперь быстро, и время хорошо воспитывает людей. Меньшевики все более и более склоняются к отпору ликвидаторству. Мне хочется думать, что большевики, со своей стороны, склоняются не только к отпору анархо-синдикализму, но и к отказу от того чересчур прямолинейного отношения к легальным рабочим организациям, которые, между нами сказать, сильно способствовали успехам ликвидаторства. А пока будем расчищать поле для взаимного сближения, каждый в своей сфере. Преданный Вам Г.Плеханов»².

Встреча Плеханова с Лениным состоялась в августе 1910 г. в Париже, куда Георгий Валентинович приехал по пути на Копенгагенский конгресс II Интернационала. На самом конгрессе Плеханов участвовал в работе комиссии по вопросу о профсоюзном единстве и международной пролетарской солидарности. Известно, что в дни работы конгресса Ленин и Плеханов встречались и в неофициальной обстановке. Г.Е.Зиновьев вспоминал, что «Плеханов был очень нежен к Ильичу, а Ильич тоже был очень дружествен тогда к Плеханову»³. Ту же мысль мы встречаем и в письме Зиновьева большевику Виктору Таратуте: «Копенгагенский конгресс был хорош одним: вполне спелись с Плехановым»⁴. Одним из проявлений этой «спевки» был и совместный протест Ленина, Плеханова и представителя польских социал-демократов против анонимного выступления Троцкого в немецкой социал-демократической газете «Форвертс» с нападками на большевиков.

Очередное сближение Плеханова с Лениным было закреплено его сотрудничеством в таких большевистских изданиях, как «Рабочая газета» и «Мысль» (1910 г.), «Звезда» (1911 г.), «Правда» (1913 г.), где он опубликовал более 20 статей и заметок по самым разным вопросам, в том числе ряд статей о Л.Н.Толстом.

Однако в целом Плеханов занимал в то время центристскую позицию, пытаясь встать «над схваткой» и защитить партию как единый революционный организм без деления на «фракционные

курятники», как он иронически выражался¹. Именно поэтому так поддержал Плеханов решения январского (1910 г.) пленума ЦК РСДРП, который высказался за ликвидацию фракций и прекращение издания большевистского «Пролетария» и меньшевистского «Голоса социал-демократа». Однако решения эти, как известно, остались только на бумаге.

Пытаясь дать оценку своей позиции в партийных делах, Плеханов писал Н.А.Рубакину осенью 1910 г., что его вряд ли можно причислять к меньшевикам. «Я стою на точке зрения идей группы «Освобождение труда», и в каждое данное время я ближе к той из нынешних фракций социал-демократии, которая ближе к этим идеям. Я считаю, что прогресс нашей партии именно состоит в лучшем и лучшем усвоении ею идей группы «Освобождение труда». Такая «формула прогресса» не позволяет зачислять меня ни в одну из фракций»². Определяя свое отношение к большевикам, Плеханов подчеркивал, что их объединяет идея партийности3. Привлекала его и революционность большевиков, хотя их тактические принципы, по его мнению, страдали узостью, что приводило к многочисленным ошибкам4. Поэтому Плеханов считал справедливым «раздать всем сестрам по серьгам» (так и называлась одна из его статей) и отстаивать партию как целое, а не какую-нибудь одну из ее фракций5.

Летом 1911 г. Ленин попробовал привлечь Плеханова к работе организованной большевиками в местечке Лонжюмо под Парижем школы для рабочих и партийных работников разных направлений. В начале июля 1911 г. Георгий Валентинович обещал приехать сюда для чтения лекций о материалистическом понимании истории гденибудь в начале сентября, но затем отказался от этого планаб. Сохранились интересные воспоминания меньшевика-партийца Ивана Чугурина о том, как после окончания занятий в Лонжюмо Ленин посоветовал ему и еще нескольким рабочим съездить в Женеву к Плеханову. По словам Чугурина, Ленин высказал мысль о том, что Плеханову хорошо было бы всецело сосредоточиться на разработке теоретических вопросов и занять в РСДРП такое же положение, которое занимал в германской социал-демократии Каутский. При этом Ленин назвал Плеханова «мировым философом», сравниться с которым в то время было некому.

Приехав в Женеву, рабочие пришли к Плеханову. Завязалась оживленная беседа, в ходе которой рабочие просили его поддер-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 243-244.

² Философско-литературное наследие Г.В.Плеханов. Т. І. С. 151—152.

³ РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

⁴ Там же.Ф. 17. Оп. 1. Д. 917. Л. 1.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 120.

² Исторический архив. 1956. № 6. С. 19.

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ См.: Исторический архив. 1962. № 5. С. 42-43.

 $[\]frac{1}{2}$ 10 - 2093

жать большевиков и Ленина. В ответ Плеханов, сказал, что Ленин «большой стратег и тактик», но он неправ, «когда «хочет всех выгнать из партии». В дальнейшем Плеханов провел с приехавшими к нему четырьмя учениками школы в Лонжюмо и восемью женевскими эмигрантами пять занятий на философские темы¹.

Состояние партийных дел внушало Плеханову большие опасения. В письмах к Каутскому он характеризовал положение в РСДРП как «отвратительное». «Каждая из обеих фракций нашей партии считает своим долгом не подчиняться постановлениям наших съездов (или конференций), принятых пой влиянием противоположной фракции. Если Центральный комитет партии в своем большинстве состоит из меньшевиков, то возмущаются большевики. Если Центральный комитет находится под влиянием большевиков, тогда очередь меньшевиков поднять знамя восстания. И таким образом знать не хотят дисциплины. Скажу больше: дисциплины совсем не существует в партии: она существует только исключительно в пределах фракций. Следовательно, имеются две дисциплины: большевистская и меньшевистская. И каждая из них совсем не хочет повиноваться постановлениям партии, когда дело идет о поражении противной фракции»², — писал Плеханов в марте 1911 г.

К осени, когда развернулась работа по созыву очередной общепартийной конференции РСДРП (решение об этом было принято еще на январском пленуме ЦК в 1910 г.), положение стало критическим. Дело шло к новому расколу. Характеризуя ситуацию, Плеханов писал в конце октября Каутскому: «Положение наше таково: каждая из борющихся фракций хочет созвать конференцию, которая будет окрещена партийной. Это будет ложь, но наши feindlicke Brüder (враждующие братья. - Нем.) убеждены, что ложь в данном случае совершенно обязательна. Вы знаете, как они ведут борьбу друг с другом. Мартов обвиняет (в своей гнусной брошюре) большевиков. Большевики, в свою очередь, издают брошюру Каменева, в которой обвиняют меньшевиков. Хочется прямо плакать со злости! Что до меня, то я стараюсь воздействовать на общественное мнение нашей партии в смысле созыва только одной конференции. которая в самом деле явилась бы партийной, а не только одной из фракций. Я еще не совсем потерял надежду на успех, но в данный момент мне трудно отвечать за что бы то ни было. Если Вам придется писать о нашем положении, то выскажитесь против раскола и за единство, Вы нам окажете большую услугу»3.

Плеханов не только не участвовал в работе Пражской конференции РСДРП в январе 1912 г. 1 (хотя представители его сторонников, так наз. меньшевиков-партийцев из России там были, а Д.М.Шварцмана даже избрали в новый состав ЦК РСДРП), но и отмежевался от ее решений, предложив 27 марта 1912 г. Международному социалистическому бюро, членом которого он, как и Ленин, являлся по постановлению январского пленума ЦК РСДРП 1910 г., взять на себя посредничество в деле восстановления единства партии, нарушаемого Лениным, с одной стороны, и «ликвидаторами» — с другой².

Осудил Плеханов и созванную в августе 1912 г. в Вене по инициативе Троцкого конференцию, в которой участвовали меньшевики, бундовцы и некоторые национальные социал-демократические организации России. На конференции был создан так наз. Августовский блок, оказавшийся, однако, рыхлым и недееспособным.

С апреля 1912 г. Плеханов стал издавать на свои средства газету «За партию»³, но успеха она не имела и в феврале 1914 г. на пятом номере прекратила свое существование.

Однако сложные перипетии внутрипартийной борьбы не могли заслонить для Плеханова интересов, связанных с работой над «Историей русской общественной мысли», очередными статьями и рецензиями для журнала «Современный мир», рефератами. Так, например, в марте 1911 г. он читал в Ницце лекцию «Герцен и крепостное право», приуроченную к 50-летию освобождения крестьян, а в июне 1912 г. — в Париже, Льеже и Цюрихе лекцию «Толстой и Герцен». В апреле 1912 г. Георгий Валентинович принял участие в открытии памятника Герцену в Ницце, где был похоронен великий русский писатель и общественный деятель. В ноябре 1912 г. Г.В.Плеханов читал в Льеже и Париже рефераты на давно уже интересовавшую его тему «Искусство и общественная жизнь». Он обращался к ней еще в своих знаменитых «Письмах без адреса» (1899—1900 гг.), где рассматривал процесс возникновения искусства у первобытных народов, а затем в статьях «Французская

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 179. Л. 1-7.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 283-284.

³ Там же. С. 288. Плеханов имеет здесь в виду брошюры Мартова «Спасители или упразднители?» и Каменева «Две партии».

¹ Плеханов направил в адрес большевистской конференции письмо, где подчеркивал, что стоит на почве общепартийных интересов и надеется на созыв в скором будущем подлинно всероссийской конференции РСДРП (За партию. 1912. № 1).

^{2°} См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 157. Л. 1—2 (Опубл. в газ. «За партию». 1912. № 1).

³ От большевиков-примиренцев в редакцию вошли М.К.Владимиров, А.И.Любимов, А.С.Лозовский, а от меньшевиков-партийцев, помимо самого Плеханова, — Х.Раппопорт, М.Я.Бабин и П.Н.Дневницкий. Газета ставила своей задачей борьбу как с «ликвидаторами», так и с большевиками-ленинцами. Плеханов выступал в роли главного редактора газеты и опубликовал в ней несколько материалов, в частности статью «К пятнадцатилетию нашей партии» (№ 4).

^{1/210*}

драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии», «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905 г.) и в ряде других произведений. На этот раз из рефератов родилась большая статья «Искусство и общественная жизнь», опубликованная в петербургском журнале «Современник» в 1912—1913 гг.

Плеханов развивал здесь широко известный тезис философовматериалистов, считающих, что реальная жизнь является в конечном счете первоисточником всех видов искусства и эстетических идеалов, причем одной из важнейших, хотя и не единственной пружиной в механизме воспроизведения объективной реальности в произведениях искусства служит социально-политическая борьба. Но главное внимание он уделил анализу состояния искусства в начале XX в., попытавшись объяснить определенное снижение его уровня уходом многих писателей, художников и артистов от острых социальных проблем, их равнодушием к великим освободительным идеям нашего времени. Сегодня, в конце XX в., когда можно непредвзято сравнивать современное отечественное и мировое искусство и искусство так наз. «социалистического реализма», крайне жесткие, а в чем-то и прямолинейные оценки Плеханова уже не найдут у нас единодушной поддержки. Однако не нужно забывать, что сам Плеханов предостерегал от излишне упрощенных представлений по этому сложному и в высшей степени деликатному вопросу. Он подчеркивал, в частности, что странно было бы думать, будто нынешние буржуазные идеологи окончательно неспособны дать какие-нибудь выдающиеся произведения. Такие произведения возможны, но шансы на их появление роковым образом уменьшаются. А кроме того, даже и выдающиеся произведения носят на себе теперь печать эпохи упадка1.

Плеханов признавал, например, талант поэтессы Зинаиды Гиппиус и называл очень талантливым художником ее мужа Дмитрия Мережковского, хотя отрицательно относился к религиозным мотивам в его произведениях. При этом само появление декаданса в России, где капитализм, по мнению Плеханова, был еще далек от своего упадка, он связывал с сильным влиянием на русское искусство со стороны Западной Европы.

Весьма неодобрительно относился Плеханов и к современному ему западному изобразительному искусству, о чем свидетельствуют его заметки с шестой международной художественной выставки в Венеции (1905 г.). Основная их черта — предельная искренность: Плеханов пишет то, что думает, не стараясь сказать что-то «умное», отделаться ничего не значащей дипломатической фразой или просто повторить то или иное общепринятое суждение. Воспитанный на лучших произведениях классического искусства — а он побывал за

время эмиграции в лучших западноевропейских музеях. — Плеханов воспринимает модерн сдержанно, иногда с легкой иронией, а некоторые особенно замысловатые по содержанию картины прямо называет «ребусами». Отдавая должное профессиональному мастерству художников, Плеханов был глубоко равнодушен к погоне за внешними эффектами и к разного рода модным вывертам, откровенно недоумевая, почему многие живописцы так часто изображают уродливое, неэстетичное, непонятное зрителю. Он не скрывал своей тяги к простоте и естественности в изображении жизни и горячо одобрял обращение художников к социальным мотивам, что случалось в начале ХХ в. уже совсем не часто. Не будет преувеличением сказать, что плехановская критика в адрес многих художников сохраняет свою актуальность и сегодня с одной лишь оговоркой: высокая социальная идея сама по себе еще не является гарантией создания высокохудожественного произведения искусства. Впрочем, с этим не стал бы спорить и Плеханов.

Последним мирным летом 1913 г., словно предчувствуя приближение военной грозы, Георгий Валентинович, который недавно тяжело переболел крапивной лихорадкой, повез жену в Италию, где сам уже не раз бывал прежде (Рим, Флоренция, Болонья, Милан). Два дня они посвятили осмотру достопримечательностей итальянской столицы: побывали в соборе Святого Петра, поклонились Аполлону Бельведерскому, фрескам Рафаэля и Микельанджело, творениям Тициана и Тинторетто. А затем был Неаполь, Помпея и остров Капри, куда их пригласили А.М.Горький и Е.П.Пешкова.

Отношения Плеханова и Горького складывались достаточно сложно. Их первая личная встреча состоялась весной 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне и подробно описана в широко известном очерке Горького «В.И.Ленин» (заметим, что Р.М.Плеханова расценила его как карикатуру на своего мужа и во многом была, безусловно, права). Тогда же в журнале «Современный мир» была опубликована статья Плеханова «К психологии рабочего движения», посвященная разбору новой пьесы Горького «Враги». Плеханов называл там Горького «высокоталантливым художником-пролетарием», а саму пьесу — превосходной². Его особенно заинтересовала социально-психологическая сторона этого произведения, в котором был хорошо показан коллективизм пролетариата, готовность рабочих жертвовать собой ради общего дела, рост в пролетарской среде революционных настроений. Подчеркивал Плеханов и прекрасное владение Горьким великим, богатым и могучим русским языком. Годом раньше Плеханов одобрительно отозвался о пьесе

¹ См.: Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 1. С. 193.

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 18 (воспоминания «Италия и Горький» написаны в 1937 г.).

² Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 496.

Горького «Дети солнца», назвав ее автора «знатоком народной психологии»1.

Таким образом, как художник слова Горький воспринимался в тот момент Плехановым вполне положительно. Однако близость писателя к большевикам, которые и пригласили его на партийный съезд в качестве гостя, не могла не наложить отпечаток на первые впечатления Плеханова от встречи с Горьким. 16 мая 1907 г. он писал жене: «Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним проговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Меньшевиков он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем. Просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился»².

Что касается Горького, то он отозвался о Плеханове гораздо более резко и недоброжелательно: «Наши старички, Плеханов, Аксельрод и иже с ними, оставили во мне жалкое впечатление людей ослепленных, ошеломленных жизнью. Полубольные, они раздражаются по каждому ничтожному поводу, у них много честолюбия и не чувствуется силы. Их жалко, да, но как это приятно видеть, что жизнь уже отодвигает прочь, в сторону людей, которые еще вчера были далеко впереди многих»³. Сказано зло, ядовито и, прямо скажем, не очень объективно (примерно так же отзывалась в те годы о Плеханове Роза Люксембург), так что можно лишь порадоваться тому, что Плеханов не знал об этих в высшей степени политизированных оценках.

Был во время работы V съезда РСДРП и один очень забавный эпизод: по просьбе Горького Плеханов пошел вместе с ним к английскому художнику Мошелесу, иллюстрировавшему пьесу «На дне». Рисунки его чрезвычайно не понравились Горькому, который сделал ряд неодобрительных замечаний, сопровождая их выразительной мимикой. На долю Плеханова, выступавшего в роли переводчика, выпала довольно щекотливая миссия смягчить удар по самолюбию художника. Горький восклицал то и дело: «Это черт знает что такое!», «Это безобразие» и т.п. А Плеханов невозмутимо «переводил», уверяя художника, что автор пьесы очень доволен мастерством его проникновения в мир русского «дна»⁴.

Вместе с тем от проницательного взгляда Плеханова не могла укрыться внутренняя противоречивость творчества Горького, те «ножницы», которые существовали между Горьким-художником и Горьким-мыслителем, не говоря уже о Горьком-политике. В отличие от Ленина, который дал чрезвычайно высокую оценку повести

«Мать», Плеханов назвал ее из рук вон слабым, и, что еще хуже, — фальшивым произведением¹. Вероятно, в такой оценке есть доля преувеличения, но трудно не согласиться с тем, что «Мать» в конечном счете сильна именно своим социально-политическим зарядом, а не художественными достоинствами.

Не менее резко — и на этот раз уже публично — Плеханов отозвался о повести Горького «Исповедь» (1908 г.). Здесь Горький выступил как сторонник так наз. богостроительства, которым особенно увлекался тогда А.В.Луначарский. Последний считал, что политической гегемонии пролетариата должно соответствовать и его духовное воздействие на широкие слои народа вплоть до создания новой, пролетарской религии, обожествляющей народный разум, стремление к справедливости, подлинный коллективизм и социализм. Что касается Горького, который постепенно все больше отдалялся в то время от Ленина и, наоборот, сближался с Богдановым и Луначарским, то он попытался перевести идеи богостроительства на язык художественных образов, однако не добился при этом сколько-нибудь значительных результатов, хотя в «Исповеди» есть прекрасные реалистические страницы.

Плеханов, направивший основной огонь своей критики на Богданова и Луначарского, коснулся «Исповеди» Горького лишь попутно, посвятив ее разбору сравнительно небольшой раздел в работе «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909 г.). При этом он вновь подчеркнул, что Горький — талантливый и яркий художник, совершенно беспомощный, однако, в области теории (недаром Белинский говорил, что у художников ум уходит в талант). По мнению Плеханова, там, где в произведениях Горького особенно силен партийно-публицистический момент («Мать», очерки «В Америке»), его неизбежно подстерегают неудачи, ибо он не создан для роли проповедника. Как убежденный атеист, Плеханов не скрывал, что не может принять тех богоискательских и богостроительских настроений, которые получили распространение у части русской интеллигенции после поражения революции 1905 – 1907 гг. Нельзя сказать, что критика «Исповеди» отличалась глубиной и убедительностью, но основная мысль Плеханова о неправомерности и пагубности превращения социалистического учения в новую религию — а именно это произошло в России после 1917 г. — была очень своевременным предупреждением любителям разного рода идеологических игр, которые, к сожалению, оставили его и тогда, и позже без всякого внимания.

Осенью 1911 г. Горький послал Плеханову свою книгу «Жизнь Матвея Кожемякина». В декабре Георгий Валентинович направил

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 52.

² Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

³ Архив А.М.Горького. М., 1966. Т. 9. С. 28-29.

⁴ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

¹ «Горький захотел здесь поучать, а так как он сам учился очень мало, то из ничего ровно ничего путного не вышло», — писал Плеханов в июле 1907 г. Иде Аксельрод (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 139. Л. 1).

ему ответное письмо, в котором поблагодарил за подарок и высоко оценил новое произведение писателя. Свои впечатления Плеханов сравнил с отзывом Пушкина о рукописи «Мертвых душ» Гоголя: «Боже, как, однако, грустна Россия!» По мнению Плеханова, читатель как будто попадает здесь в то самое «темное царство», которое изображал в своих пьесах еще А.Н.Островский, но в этом царстве уже идет процесс разложения и брожения, мастерски схваченный Горьким. «Кто захочет ознакомиться с этим процессом, тот должен будет прочитать «Кожемякина», как должен прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества времен Реставрации и Луи-Филиппа. Раз это так, — а я уверен, что это так, — то автор может гордиться своим делом», — писал Плеханов1.

И вот теперь, летом 1913 г. состоялась новая, уже более продолжительная, чем в 1907 г., а главное — в значительной мере очищенная от взаимной фракционной подозрительности и скрытого недоброжелательства встреча двух крупнейших деятелей русской национальной культуры.

Горький принимал гостей уже не на старой вилле «Блезус», где все напоминало о ее очаровательной хозяйке, М.Ф.Андреевой (Алексей Максимович расстался с ней в 1912 г.), а в двухэтажном домике в поселке Марина Пикколо, который называли в те времена вилла «Серафина». Беседы с Плехановым проходили в небольшом зеленом саду, окружавшем дом, во время прогулок по живописным окрестностям и в большом кабинете Горького, который занимал половину виллы.

О многом переговорили в те жаркие июньские дни Георгий Валентинович и Алексей Максимович. Италия и итальянцы, новости социалистического движения, дело Бейлиса, положение в РСДРП, последние научные открытия... Можно только пожалеть о том, что от этих многочасовых бесед остались лишь скупые строчки в воспоминаниях Р.М.Плехановой да в письмах обоих собеседников. Так, Горький по горячим следам своих каприйских бесед с Плехановым писал издателю И.П.Ладыжникову: «Свидание очень интересное. Кажется, мы установим добрые отношения, говорили о многом, откровенно и подробно. Идею пересмотра программы в связи с запросами современной русской жизни и включение в нее одним из пунктов борьбу с алкоголизмом он находит очень удачной, своевременной, исполнимой. Находит и возможной и естественной гегемонию в России социалистической идеологии. Вообще - все было очень недурно. Лично он мне понравился, и мне кажется, что с ним можно пиво варить новое»2.

Характеризуя позицию самого А.М.Горького, Р.М.Плеханова вспоминала, что он был настроен против ликвидаторов, но не одобрял и большевиков, склоняясь, видимо, к взглядам Георгия Валентиновича¹.

Последний тоже был очень доволен поездкой на Капри: «Я видел много людей, — писал он Горькому из Сан-Ремо 2 июля 1913 г., — но редко я выносил из встреч с ними такой заряд бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам, — все остальное у Вас есть: талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями»².

Георгий Валентинович и Розалия Марковна надолго запомнили не только гостеприимную виллу «Серафина», но и поездку в горы. темпераментную тарантеллу, которую танцевали для них местные крестьяне, развалины дворца императора Тиберия. Распростившись с Горьким, Плехановы решили побывать у кратера Везувия. Сначала ехали на повозке, потом на лошадях по кличкам Макарони и Бифштекс, причем Георгий Валентинович удивительно напоминал Лон Кихота, а его маленький и толстенький проводник — Санчо Пансо. Последнюю, наиболее трудную часть пути предстояло проделать пешком. Старики-провожатые предложили нести туристов на руках, но Плеханов категорически отказался. Однако, сделав несколько шагов по извилистой горной тропинке, он вдруг почувствовал себя плохо. Воды не было, и пришлось дать ему несколько глотков дешевенького виноградного вина с поэтическим названием «Христовы слезы», которым запаслись проводники. Георгий Валентинович пришел в себя и настоятельно попросил продолжить восхождение. Розалия Марковна согласилась, но поставила условие: Плеханову придется поступиться принципами и отдать себя в полное распоряжение проводников, которые понесут его на руках.

Георгию Валентиновичу пришлось уступить. Процессия снова тронулась в путь. Солнце палило, пот лил со всех градом, старики то и дело прикладывались к «Христовым слезам». Как вспоминала Р.М.Плеханова, Георгия Валентиновича мучила совесть (на старости лет ему пришлось стать «эксплуататором»), но добродушные старички успокаивали его, говоря, что уже 40 лет зарабатывают таким образом себе на хлеб. Наконец, Везувий был покорен. Перед путешественниками открылся великолепный вид на Неаполитанский залив, Капри, а совсем рядом, подобно зияющей огненной пасти страшного чудовища, зиял дымящийся кратер вулкана...3

 $[\]frac{1}{2}$ Плеханов Г.В. Литература и эстетика. Т. 2. С. 516 – 517.

² Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 298.

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

 $^{^{2}}$ Плеханов Г.В. Литература и эстетика. Т. 2. С. 517 – 518.

³ См.: Год на родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой / Диалог. 1991. № 11. С. 89—90.

Тогда же, летом 1913 г. Плеханов дал большое интервью корреспонденту русской газеты «Юг», выходившей в Ницце с расчетом на туристов и эмигрантов. Часть вопросов касалась итогов революции 1905—1906 гг. (такую хронологию революционных событий предложил журналист, и Плеханов не стал ее оспоривать), часть — текущих событий в России и в российском рабочем и социал-демократическом движении.

События 1905—1906 гг. Георгий Валентинович охарактеризовал как «не совсем полную революцию», а точнее как очень сильный подъем революционного движения, вызвавший появление очень глубокой трещины в здании старого порядка, но не поваливший этого здания. Разочарование в итогах революции во многом и объяснялось тем, что на нее возлагали слишком преувеличенные, а потому и неосновательные надежды. Главной, чтобы не сказать единственной, движущей силой русского революционного движения, по мнению Плеханова, является пролетариат, тогда как крестьянство трудно признать революционным в полном смысле этого слова. Конечно, оно поддержало в 1905 г. рабочих и другие революционные элементы городского населения, но поддержка эта была все-таки неполной, поскольку психология мужика оставалась психологией старого, еще допетровского времени и в основе ее лежало твердое убеждение, что царь, наделяющий крестьянина землей, не в пример помещику заботится о нем и поэтому бунтовать против наря нельзя. В этом, по мнению Плеханова, состояла и разгадка поведения армии, в которой большинство солдат составляли те же крестьяне: в общем и целом она осталась верна присяге и спасла старый порядок1.

Однако в 1907 – 1912 гг. события развивались не совсем так, как того хотелось бы сторонникам самодержавия, а в 1912-1913 гг. налицо были уже все признаки нового революционного пробуждения рабочих. Отвечая на вопрос корреспондента об отношении к столыпинской аграрной реформе, осуществление которой началось в России с 1907 г., Плеханов заметил, что условия ее страшно невыгодны для крестьян. «Но мера эта неоспоримо имеет ту выгодную сторону, - продолжал он, - что окончательно разрушает все пережитки общественной психологии, возникшей некогда благодаря аграрной политике Московского государства. Наши реакционеры отстаивали указ 9 ноября (1906 г. — C.T.) как контрреволюционную меру. На самом деле она принесет в конечном счете революционный результат»² (Плеханов имел здесь в виду ускорение развития капитализма, крушение общинного менталитета русского крестьянина и его веры в царя как гаранта существующей в России системы землевладения и землепользования). Правда, Плеханов не верил в близость нового революционного взрыва, подобного событиям 1905 г., но советовал социал-демократам готовиться к нему, чтобы не оказаться потом в положении тех неразумных евангельских дев, которые не сумели вовремя наполнить свои светильники и достойно встретить женихов.

В этой связи корреспондент задал вопрос: «Думаете ли Вы, что в числе подготовительных мер должно быть и объединение социалистических партий?» «Да! Я убежден в этом», — сказал Плеханов. Российский и международный пролетариат в конечном счете заставят объединиться российскую социал-демократию, а, кроме того, сама жизнь ставит и вопрос о сближении РСДРП с партией эсеров. Заканчивая беседу, Плеханов в шутку заметил: хотя скоро все согласятся с тем, что социализм един и поэтому в каждой стране должна существовать только одна социалистическая партия, это, конечно, не помешает нам в процессе поиска соглашения наговорить друг другу, по издавна установившемуся обычаю, разных крепких слов¹.

В мае 1914 г. в Петербурге при участии Плеханова стала выходить газета «Единство», в четырех номерах которой были напечатаны его статьи. Издателем газеты был депутат IV Государственной Думы социал-демократ А.Ф.Бурьянов, который вышел из меньшевистской думской фракции и стал выступать в поддержку плехановской позиции, за восстановление единства РСДРП. В редакцию «Единства» входили также Л.И.Аксельрод, Н.В.Васильев. Для этой газеты Плехановым были написаны «Письма к сознательным рабочим», эпиграфом к которым он взял слова Чехова: «Самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки — азиатские». Это был прозрачный намек на то, что российские социал-демократы никак не дорастут до настоящей партийности, постоянно подменяя ее самой махровой фракционностью.

К этому времени отношения Плеханова с большевиками вновь испортились: Ленин упрекал его в колебаниях, примиренчестве, повороте к «ликвидаторству», а Плеханов, в свою очередь, обвинял лидера большевиков в «ненасытном фракционном аппетите», стремлении подчинить себе все остальные элементы российской социалдемократии, раскольничестве и т.п.².

Не складывались и отношения Плеханова с основным ядром меньшевистской фракции во главе с Мартовым и Даном. После поражения революции 1905—1907 гг. меньшевики все более откровенно ориентировались на западноевропейскую модель социал-демократического движения (широкая рабочая партия, действующая в легальных условиях и стремящаяся к завоеванию власти чисто парламентским путем). Поэтому Плеханов, воспитанный в традици-

¹ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX. С. 552-554.

² Там же. С. 557.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIX.

² См.: там же. С. 534.

ях революционного подполья и нередко очень неравнодушный к якобинству, постепенно терял былую популярность в меньшевистской среде. Его уважали, иногда боялись, но не любили, а главное — уже не очень нуждались в нем. В результате Плеханов все больше превращался в «икону», в живой памятник уходящей в прошлое эпохи отрочества и юности российской социал-демократии.

В июле 1914 г. в Брюсселе состоялось заседание Международного социалистического бюро, созванное для обсуждения ситуации, сложившейся в РСДРП, где «враждующие братья» вновь стояли в позиции кулачных бойцов. Плеханов занял на совещании ярко выраженную антибольшевистскую позицию. В итоге дискуссии с участием Каутского, Р.Люксембург, Вандервельде и представителей различных течений российской социал-демократии были выработаны рекомендации по восстановлению единства РСДРП. Большевики подчиняться этому решению отказались.

В августе 1914 г. в Вене должен был собраться очередной конгрес II Интернационала. Большевики хотели приурочить к нему VI съезд РСДРП, а меньшевики возлагали большие надежды на то, что международная социал-демократия осудит Ленина как раскольника и заставит большевиков все-таки пойти на новое объединение РСДРП. Однако жизнь перечеркнула все эти планы и расчеты.

A process account of a common of a common of the common of

or sun in school with a high from the first of the state of the state